

Вик Бовэ

Сказ о жизни Сергия

Вик Бовэ
Сказ о жизни Сергия

«Издательские решения»

Бовэ В.

Сказ о жизни Сергия / В. Бовэ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507359-4

В центре повествования жизнь Сергия Радонежского: с рождения и до последних дней. Художественное произведение содержит много сведений, которые не были известны по прежним изданиям.

ISBN 978-5-00-507359-4

© Бовэ В.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Изгнанники	7
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	38
Глава седьмая	46
Глава восьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сказ о жизни Сергия

Вик Бовэ

Редактор А. Хлуденев

Корректор В. Рахманина

© Вик Бовэ, 2019

ISBN 978-5-0050-7359-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Изгнанники

Глава первая

Солнце немилосердно полило. Лето года 1328 выдалось для боярина Кирилла Афанасьевича Варницкого и его домочадцев, неоправданно жестоким.

Может статься, и не в одночасье, но рухнуло его семейное благополучие, которое водил он долгими годами за счёт силы и храбрости своей, за счёт ума своего и рук своих, не знавших усталости в больших и малых ратных сражениях. Покинув надел в Варницах, что находился в пяти верстах от Ростова, направлялся он нынче для поисков новой службы, а ещё уходил от мести великого владимирского и московского князя. По совету крёстного отца жены своей – боярина Аверкия, да помня своё дружество с Василием – сыном князя рязанского Константином, держал Кирилл Афанасьевич путь в те земли, где рассчитывал снискать новую вотчину и пристанище для всей сохранившейся своей малой дворни.

Дорога, большей частью бежавшая среди полей, была, как никогда, изрешечённой земляными трещинами, которые образовались из-за сильной засухи. Копыта коней звонко ударили по затвердевшей глине, и создавалось впечатление, что едут они по камням. Вдгонку за верховыми и возком, в котором ехали жена и дочь, вздымался столб непроницаемой пыли. В силу своей невероятной нагретости сделалась она невесомее лебяжьего пуха, а потому долго парила над землёй и кажется, совсем не оседала. Въехав на очередной холм и оглянувшись назад, можно было видеть свой собственный след, плавающий в раскаленном добела воздухе.

А оглядываться боярину Кириллу Афанасьевичу приходилось постоянно, так как неутихающей тревогой жило в его сознании опасение погони, ибо угодил он в число лиц, которых московский правитель и великий князь владимирский Иван Данилович, получивший недавно ярлык от татарского хана на великое княжение, причислил к неугодным боярам.

В семнадцатилетнем возрасте, ища воли и тяготясь купеческим занятием отца – не очень богатого боярина Афанасия, попросился Кирилл на службу к Михаилу Ярославовичу. Широкоплечий детинушка глянулся тверскому князю своею силой, рассудительным не по годам умом, безмятежным и сдержанным нравом. Вот потому-то вместо того, чтобы идти в младшую дружину, остался он подле Михаила Ярославовича для ратного служения, посыльных надобностей и тайных задач. Довелось уже на следующий год побывать Кириллу в Золотой Орде, куда тверской князь ехал с желанием приобрести для себя ярлык на великое владимирское княжение. Но так как того же добивался московский князь Юрий Данилович, то пребывать в столице татарского ханства, пришлось почитай больше полугода. Вот там и свёл тогда молодой Кирилл знакомство с князем рязанским Василием, который в Сарае жительствовавший уже довольно долго. Находились они в летах почти одинаковых, характерами схожие, выделялись среди прочих статью богатырской и храбростью, любили сказы о летописных героях, а потому общение и разговоры их были друг для друга занятыми. Молодой боярин узнал от юного князя достаточно много историй о подлых кознях московских правителей, чтобы на долгое время сохранять к ним стойкую неприязненность.

Так Даниил Александрович, грезивший завладеть Коломной, зазвал к себе в гости рязанского князя Константина, отца Василия, да обманом пленил. Томящегося узника принудили подписать условие, по которому Коломна отходила к московским землям. Его сын, Юрий Данилович, который занял отчину после смерти отца, захотел и Рязань, и все ее земли сделать московскими. Но когда все ещё пленённый Константин не согласился на такое условие, умертвил его.

Нерасположение, зародившееся в сердце, душе и разуме молодого боярина Кирилла, только усилилось, когда, размышляя о низости породы человеческой, видел он суетные метания московского князя. Сидя в Золотой Орде, Юрий Данилович раболепно бегал по вельможам хана Узбека и богатыми дарами, ползанием на коленках, покорным лаканьем кобыльего переброженного молока, силился склонить их к своей выгоде.

Михаил Ярославович, как и другие посольские, прибывшие из русских княжеств в Орду, московского князя, приходившегося ему двоюродным племянником, не любил, на свой постоянный двор не звал и разговорами не достаивал.

Правда, попервоначально старался объяснить ему вразумительно, наставить на путь истинный, но всё оказывалось в пустоту. Усовестить не мог, а потому только зубами от злости скрежетал. Прав на великое владимирское княжение у него было больше: Михаил Ярославович был внуком великого князя Ярослава Всеволодовича, а Юрий – лишь правнуком.

Хан же Узбек не очень-то обращал внимания и на то, кто в какой очередности следует, и на то, у кого прав больше. Ему была выгодна вражда двух родичей. Ненависть князей друг к другу помогала хану править, и владыка Орды тайно поощрял то московского правителя, то тверского. По истечении полугода, хан Узбек передал-таки ярлык на великое владимирское княжение Михаилу Ярославовичу, который пообещал платить Орде выход много больше, чем москвит. Рязань, которую московский князь хотел видеть своим уделом, хан Узбек отдал молодому князю Василию – сыну убитого Константина. Разъезжались русские князья из Орды полные ненависти друг к другу.

Вернувшись в Тверь, Михаил Ярославович собрал войско и пошёл на Москву. Боярин Кирилл Афанасьевич, как всегда, неотступно следовал за своим князем и в роковой момент тяжкого сражения, спас его. Победить дружину Юрия Даниловича тверской князь не сумел, а потому, совершив крестное целование, заключил миролюбивый договор, который, собственно, ни одному, ни другому особой выгоды и радости не доставил.

Вернувшись в своё княжество и при всех своих печалях, Михаил Ярославович всё же не забыл верного молодого боярина и по желанию его выкупил земли, что к родне поближе – надел близ Ростова, село Варницкое.

Ещё толком боярин Кирилл не успел обжиться в своём новом жилище – хоромы едва успел поставить, а уже другая война случилась, и опять с Москвою. Юрий Данилович, не добившись от хана Узбека ярлыка на великое княжение, решил приобрести власть над всеми соседями своими через ратную силу и оружие. Пока в Твери думы думали, а в Варницах наслаждались трудами мирными, Юрий Данилович уже и на Можайск сходил, и другие земли вдоль течения реки Москвы к своему уделу присоединил. Когда великий князь Михаил Ярославович опомнился, Москва уже над ним нависать стала, а потому и случилось новое сражение.

Бились на этот раз пуще прежнего, но и опять победа никому доподлинно не улыбнулась. Тогда снова принялись за переговоры и рядили дольше обычного, как после этого им жить. На словах, вроде бы, договорились, что московский князь признает над собой власть Михаила Ярославовича, а тот ему взамен послабление кое-какое делает. Такой договор вроде как мир давал, и вроде бы успокоение вносил, да на деле это не очень заметным оказывалось. Хоть и опять было крестное целование, но разъехались как никогда недовольные друг другом, а потому больше прежнего ожесточение проступало на лицах князей.

Так как и в этом походе Кирилл Афанасьевич вёл себя храбро, бился искусно, то не оставил его своей милостью великий князь. А потому, когда высватали для Кирилла его родители настоящую писаную красавицу Марию – дочь двоюродного брата большого ростовского боярина Аверкия Дмитриевича, так на той свадьбе побывал Михаил Ярославович и богатый дар сделал. Молодые уже первым ребёнком обзавелись – дочерью Анной, когда пришлось боярину Кириллу Афанасьевичу идти на новое сражение – великий князь позвал.

Чем уж пленил люд Великого Новгорода московский князь, про то неведомо, только вдруг захотелось им под его руку. Прогнали они наместника Михаила Ярославовича и зазвали от Юрия Даниловича. Это и озлило великого князя владимирского и тверского. Вот потому, собрав свою дружину, захватил новгородские волости Торжок и Бежецк, а ещё через неделю подступил к Новгороду. Раскаялись новгородцы, изгнали наместника московского князя, а Михаилу Ярославовичу в ноги поклонились. В этой войне опять удалось боярину Кириллу отличиться, спасти от верной смерти, но не господина своего, а сына его – Дмитрия. Вот почему, когда по требованию хана Узбека выезжал великий князь Михаил Ярославович в Золотую Орду, оставил он на боярина Кирилла Афанасьевича сына своего для заботы и охранения.

Не успел Михаил Ярославович доехать до ханства татарского, а новгородцы опять заслали гонца к Юрию Даниловичу со словами льстивыми, да посулами богатыми. Возьми, дескать, нас своим уделом и правь, как старший брат младшим. Забыв о мирном договоре с великим владимирским и тверским князем, над которым крест целовал и на какой подпись свою ставил, московский князь отправляет в Великий Новгород своего наместника – князя Фёдора Ржевского. Тот власть в городе захватил, ставленника Михаила Ярославовича изгнал, да в отсутствие великого князя на Тверь войска двинул.

Вот тут и пригодился молодому княжичу Дмитрию военный опыт ближнего боярина Кирилла Афанасьевича. Тот присоветовал Дмитрию, хоть и была их дружина числом менее новгородской, не в городе отсиживаться, а выйти к берегу Волги да не дать новгородцам бродов искать и через реку переправиться. Были воеводы, которые Дмитрия отговаривать пытались, дескать, людей мало и тех зря погубим. И брат его – Александр, советовал княжичу в городе обождать, да отца дожидаться. Но сделал Дмитрий, как боярин Кирилл наставлял.

Подошёл Фёдор Ржевский с войском, да искать бродов под взглядами тверского воинства не стал, переплывать побоялся. Простояли так друг против друга да разошлись. Правда, прежде чем уйти, князь Ржевский выторговал у молодого Дмитрия мирный договор, согласно которого тверской князь пошёл на значительные уступки.

– Ничего, пускай возрадуются покудова, – успокаивал боярин Кирилл княжича. – Мы ихнего прихода не ожидали, а потому к битве не подготовлены были. Коли Ржевскому вышло бы проведать про число наших кметей, то не миновать бы беды. А так, мы же его ещё и обвели вокруг пальца.

Успокоив молодого Дмитрия, боярин Кирилл присоветовал ему срочно отправить гонца в Орду к Михаилу Ярославовичу. Тверской князь пробился к хану Узбеку, да поведал, какой умысел у московского князя. Дескать, хочет тот все земли под свою руку прибрать, да потом силой этой напасть на улус великого хана. Разгневался хан Узбек, повелел Юрия Даниловича в Орду звать, чтобы научить московского князя покорности. Дал своё войско великому князю Михаилу Ярославовичу, повелел отправляться к Новгороду.

Пока суд да дело, у боярина Кирилла Афанасьевича сын народиться успел, которого нарекли Стефаном. И опять не удалось вдосталь отогреть отцовское сердце у детской зыбки. Сам великий князь Михаил Ярославович двигался из Орды с войском татарским, а к сыну Дмитрию гонца послал, чтобы выходил тот с дружиной тверской к Торжку.

Туда же подошла и помощь осажденным горожанам. Брат Юрия Даниловича – Афанасий, оставленный на управлении в Новгороде, привёл дружину. Вот и схлестнулись под Торжком две силы великие. Татарам русской крови не жалко было, а потому сеча получилась особо лютой. Много русичей полегло в том сражении, а небольшое число, что осталось, укрылось за стенами Торжка. Осада была недолгой. Испугались новгородцы, выдали великому владимирскому и тверскому князю Фёдора Ржевского, да обещали двенадцать тысяч гривен серебром.

Пока князь московский Юрий Данилович в Орде находился, установилась на земле русской тишина да относительное спокойствие. Никто особо великому князю Михаилу Ярославо-

вичу не перечил, знали, что за ним сила татарская стоит, а потому спорить с ним – себе дороже обойдётся. Правда, было дело, опять-таки Новгород поперёк Твери пошёл, да разбирательство войной в тот раз не обернулось. Хотел Михаил Ярославович пожечь Новгород, да Бог не допустил: заплутали дружины великого князя, и едва домой вернулись живыми. В тот поход боярин Кирилл Афанасьевич не хаживал, оставался при Дмитриии, а княжич его в Ростов отпустил, что позволило боярину какое-то время ночевать в вотчине своей около любимой жены. Вскоре у супругов появился третий ребёнок – сын, коего нарекли Варфоломеем. А потом и ещё одного мальчика Бог даровал – Петра.

...Миновало два года. Совсем уже со спокойным существованием свыкаться стал боярин Кирилл Афанасьевич, да вскоре гонец привез вести, которые добра сулили мало. Юрий Данилович, всё это время живший в Орде, своим покорным видом да лестью успел попасть в милость к хану Узбеку. А за то, что русский князь согласился опоганиться и взять в жены сестру великого правителя – Кончаку, получил ярлык на великое владимирское княжение. Чтобы привести к согласию с таким решением и заставить Михаила Ярославовича повиноваться, теперь уже московскому князю была дана татарская рать, да посол при ней – князь Кавгадый. И вот уже Юрий Данилович ведёт войско на Тверь, собираясь захватить её.

Не стал дожидаться Михаил Ярославович подхода врагов к городу, а пошёл им с силой ещё большей навстречу. Напал на ничего не ожидавшего супротивника в сорока верстах от Твери, да и разбил на голову. Юрий Данилович бежал в великом страхе, бросив и жену свою молодую татарскую, и князя Кавгадая, и бояр своих на милость тверского князя.

Прошёл в то время между людьми слух, что боле не соберётся Юрий Данилович с силами, а за то, что сестру хана Узбека бросил, снесёт, дескать, ему голову владыка татарский, и тогда мир установится долгий и прочный.

Боярин Кирилл Афанасьевич, которого сражения уже тяготить стали, порадовался таким разговорам. Надоело ему лить русскую кровь, хотелось обустроить земли наделов своих, чтобы с детьми в радости и покое пожить. Да опять не получилось так, как загадывалось. Московский князь кинулся за помощью к новгородцам, те вроде бы не отказали, но и биться особо не пожелали: мир с Тверью вроде как подписали, и нарушать уговор желания не имели. Войско, однако же, собрали, но снарядили с ним и своего архиепископа – Давида Новгородского.

Боярин Кирилл Афанасьевич всех своих детей перецеловал, да снова к княжичу Дмитрию пристал. Княжич Дмитрий Михайлович – старший сын тверского князя, в силу входить стал. Так как боярина своего любил, то потому всегда совет с ним держал и за тем лишь к отцу шёл. В ту пору кметей у Твери после всех походов не особо много оставалось, надо было придумать что-то такое, но до сражения дела не доводить. А тут ещё Давид Новгородский стыдить князей принялся: негоже, де, вам, хранителям веры православной, реки христианской крови лить. Вот по этой причине опять дело к переговорам свелось, которые великие князья владимирские – один нынешней, а другой прежний, уговорились в Орде проводить с тем, чтобы хан Узбек их судил.

Юрий Данилович, когда на татарский суд соглашался, рассчитывал, что его родство с правителем Орды своё слово скажет, а потому за Москвой верх будет, и оставаться ему великим владимирским князем.

Михаил Ярославович помышлял совсем иначе. Раз Юрий Данилович праздновал труса – бежал с поля битвы и жену свою бросил на поругание, то быть тому в немилости. Ему же, князю тверскому, который сестру Узбека почётом и уважением окружил, будет немалое снисхождение, а потому и великое владимирское княжение возвернётся.

Только глядя в распахнутые чёрные очи, словно омуты волжские глубокие, на брови, изогнутее любого коромысла, сочно полные губы алые, волосы цвета смоляного крыла ворона, пленился Кончакой тверской князь, да при себе оставил. Сказал, что сам хочет в Орду доставить. Посла татарского – князя Кавгадыя отпустил, а молодую жену московского князя сохра-

нил при себе. То ли любовь между ними случилась, то ли еще что больше, но через это Михаил Ярославович себя и погубил.

Когда перебрался Кавгадый к Юрию Даниловичу, то втолковал ему, что на милость хана Узбека тому лучше не рассчитывать. Жена князя московского с тверским милуется и благодаря этому в его пользу свидетельствовать станет. А потому едет Юрий Данилович в Орду на свою верную погибель. Но вот если Канчака вдруг заболеет, а еще лучше – помрёт, то вся вина за её кончину на Михаила ляжет. Пусть московский князь своему урусскому богу помолится, да попросит его о такой милости.

– Бог твой могучий, всё возможно, – так сказал Кавгадый, уходя от московского князя.

Молился Юрий Данилович или нет, про то татарский вельможа не ведал, но через три дня пути Канчака померла.

Гнев хана Узбека был велик, а потому велел умертвить Михаила Ярославовича, что и было исполнено.

После смерти соперника, совсем расправил свои крыла Юрий Данилович. Оставаясь великим князем владимирским и московским, перебрался он на место жительства в Великий Новгород, город много богаче Москвы, купцами зажиточными знаменитый. Став во главе большой дружины, начал ходить походами на тех, которые торговле новгородской препятствие чинили, да разорение его купцам устраивали. Бился со шведами, с литовцами, захватил Устюг, а ещё основал на своих границах новый город – Орешек. После всех своих побед стал Юрий Данилович считать себя силой грозною, а потому выход в Золотую Орду отправлял половинный.

Дмитрий Михайлович Тверской – сын убитого Михаила Ярославовича, прознав про жадность и лукавую увёртку московита, к хану Узбеку засобирался. Боярин Кирилл Афанасьевич, тоже, было, надумал с ним ехать, но тверской князь запретил. Ближний его боярин и советник с ним заспорил, но Дмитрий так глянул, что Кирилла дрожь взяла. Не зря же в народе тверского князя звали – Грозные Очи. Но не от страха дрожал боярин Кирилл Афанасьевич, а уразумел он, что князь его задумал дело, при котором сам обязательно свой конец увидит. Так и случилось.

Воровство Юрия Даниловича подтвердилось. Во гневе был хан Узбек, когда вызывал великого князя владимирского и московского в свой улус. Хотел судить его, да потом казни лютой предать, чтобы другим неповадно было, но не успел. Дмитрий Михайлович, мстя за отца, убил Юрия Даниловича, хоть и ведал, что сам также живым не останется. Хоть и повелел хан Узбек умертвить тверского князя, но, помня о воровстве московитов, передал ярлык на великое княжение брату Дмитрию Михайловичу – Александру.

Великий князь владимирский и тверской Александр Михайлович боярина Кирилла недолюбливал. Знал он его как преданного слугу брата своего, к тому же не забылась обида при стоянии дружин на Волге. Может статься и ещё другие причины имелись, по которым не восхотел Александр вводить воеводу в свой ближний круг и советы от него выслушивать. Боярина Кирилла Афанасьевича такое холодное отношение не огорчило; он стал больше времени проводить в своей вотчине, занимаясь заботами домашними, да своими чадами.

У боярина Аверкия Дмитриевича – ростовского тысяцкого, имелось три сына – Георгий, Матвей, Иван. А вот дочери, какую они так желали с женою, не было. Вот поэтому, когда позвал его двоюродный брат в крёстные отцы народившейся дочери, то был тому несказанно рад. Когда маленькая Мария росла, то довольно часто и подолгу жила в доме у Аверкия Дмитриевича, а потому сыновья боярина почитали её за сестру, а супруги – за дочь.

Когда же Мария стала мужнею женою, и тогда не забывали её. Боярин Аверкий, оставаясь наместником Ростова и властью обладавшей немалой, вместе с женой часто навевались в Варницу с гостинцами и разной радостью. Было у Аверкия Дмитриевича огромное желание помочь мужу своей крёстной дочери. Предлагал он Кириллу то одну должность, то дру-

гою, но тот неизменно отказывался. Старый боярин качал головой вроде как с осуждением, но и за крестную дочь свою радовался. Понимал Аверкий, что была Кириллу новая служба в тягость, и что с женою своею не хотелось ему расставаться ни на единый миг. Видел тысяцкий ростовский, как боярин Кирилл Марию почитает, неустанно за детей благодарит и не боится любви своею к ней показывать прилюдно, хоть это вроде и в осуждение ему.

Наслаждались Кирилл и Мария тихой жизни, по их меркам, недолго – всего два года. Успел за это время великий владимирский и тверской князь Александр Михайлович в немильность к хану Узбеку попасть.

А как было не попасть, когда на каждом пиру, на каждой рыночной площади шли разговоры о собирании земли русской в единое целое, об освобождении Руси, да о борьбе с татарами. И за всеми такими толками выделялся образ Александра Михайловича Тверского, как народного избавителя.

Князь московский – Иван Данилович, велел слугам своим разговоры все такие записывать, и при случае доносил в Орду. А ещё, помня судьбу брата своего, хану татарскому ни в чём не перечил, гораздо чаще, чем следовало, в улус его ездил, да всё с богатыми подарками. Хан Узбек хоть и слушал московского князя благосклонно, да особой веры не давал. Знал, что все урусы лживы и вороваты. Дабы проверить слова Ивана Даниловича послал татарский владыка в Тверь своего двоюродного брата – князя Шевкала, с немалой силой. Узнай, дескать, что есть на самом деле, да накажи, если потребуется.

Понимал московский князь, что одни разговоры разбирательству не подмога, а требовалось дело, которое Узбека убедить смогло бы в предательстве великого владимирского и тверского князя. Снарядил Иван Данилович людишек своих, которые вперёд Шевкала поскакали, да повсюду слух стали распускать. Мол, идёт на землю тверскую новый правитель – князь Шевкал, который везде своих наместников поставит и будет христиан в поганую свою веру обращать. Это и стало главной причиной, по которой заколыхалась земля тверская возмущением. Сами же татары в огонь масла ещё больше подлили; пока к Твери ехали, встречные земли грабили, женщин насиловали, мужей до смерти забивали. В Тверь приехали совсем хмельными, и пока город из одного конца в другой пересекали, успели обидеть во множестве встречных людей. Даже князя Александра Михайловича с его усадьбы согнали, сами там поселились и дальше бесчинства свои продолжили.

Великий князь владимирский и тверской Александр Михайлович с боярами своими ближними хорошо разумели, кто на самом деле стоит за татарскими погромами, и кто слухи пускает в народе о правлении ставленника Узбека. Вот потому день и ночь молили бояре людей потерпеть: уйдёт, дескать, вскорости Шевкал, никто веры христианской отнимать не станет, и сделает тогда великий князь Александр Михайлович для тверичей послабление в дани для восстановления порушенного хозяйства. Может статься, и удалось бы волнения успокоить, но случай вышел, который начинался смехом, да потом сражением обернулся. Терпение тверских посадских людей лопнуло.

Надо было приключиться такому, что в раннее утро, когда купцы и прочий ремесленный народ к торгу продвигались волною многолюдной, татары – числом около десятка конных, помыслили отобрать у дьякона кобылу; глянулась она им своею статью да резвостью. Мало того, что забрали, так ещё при этом обиды принялись чинить церковному служителю: бороду рвать, да в лицо плевать. Дудко – так звали того дьяка, несмотря на свой духовный сан, росту был огромного и силы богатырской. Вот потому, развернув свои плечи саженные и не претерпев обиды, как учит мать-православная церковь, начал Дудко по щекам нехристей хлестать, в реку бросать, да приговаривать:

– Бог терпел, нам велел, но не от поганых же!

Так, может быть, и пометал бы всех татар с волжского берега, да тут как на грех ещё один разезд ехал, но числом много боле первого. Когда эта сотня навалилась на одинокого дьяка и попыталась его саблями посесть, тот и заголосил:

– Люди добрые! Тверечи! Не выдайте!

А вышло так, что когда дьяк первый десяток нехристей в воду швырял, то на утёсе много людей собралось, которые от смеха за животы держались. Меж народа в толпе шутка уж пошла гулять, что, мол, беда коли тверской дьяк крестить начинает, может всех зараз и утопить. Смелись до упаду. Но одно дело веселье и смех, совсем другое – когда сто на одного наваливаются. Вот тут-то, понятное дело, и разыгралась в людях обида за все прошлые разы, а потому и позабыли они все свои обещания, которые великому князю Александру Михайловичу давали.

Понесло огромный людской поток с холма к речному берегу, да и начали посадские тверские люди татарское воинство крушить тем, что кому под руку попало. Для такого дела всё годилось: камень ли с дороги поднятый, жердина для тына приготовленная, или даже добрый кулак. Шум-гам изрядный поднялся. А тут к татарам помощь стала внушительная подходить с княжьего двора, где постоем стояла. Когда же вслед за этим колокол ударил, то на помощь к людям посадским стали бояре подходить со своими слугами, да уже при хорошем оружии. Вот тут кулачная драка закончилась, и пошло самое настоящее сражение. Бились целый день, а к вечеру остались в живых из нехристей лишь князь Шевкал, да с ним не больше сотни татар. Схоронились они в усадьбе князя тверского, и стали молить о пощаде. Думалось Александру Михайловичу о тяжелых последствиях. Понимал, что хан Узбек такого не простит, но не мог таких слов подобрать, которые дали бы прощение татарам. Да как было их миловать, когда не было в Твери ни одного двора, где бы поганые ни снасильничали, ни украли бы, ни убили бы. Спустил бы Шевкалу великий князь, народ бы его не простил. Вот и не пожалел своей усадьбы Александр Михайлович, приказал спалить вместе с татарами, которые в ней закрылись.

До московского князя Ивана Даниловича та весть мигом дошла, а потому, немедля ни единой минуты и в великой душевной радости, помчался он в Золотую Орду к хану Узбеку. Вот, дескать, великий хан, говорил я тебе не единый раз, что холоп твой тверской против тебя нож точит, теперь сам убедись. Нету у тебя больше брата Шевкала.

В великом бешенстве собирает ордынский владыка воинство неисчислимое и приказывает идти Ивану Даниловичу на Тверь. Чёрным огнём надвигалась татарская рать на земли русские. Где проходила Орда уже ничего ни живого, ни мертвого не оставалось. Одна пустыня. Вот почему многие правители под руку московского князя перебежать стали и тем земли свои спасали.

Боярину Аверкию Дмитриевичу донесения шли о приближении беды к Твери. Вроде бы не Ростов, но надо остерегаться. Приехал он в дом Кирилла Афанасьевича и молил того, чтобы не оставлял он жены с чадами, не покидал земли ростовские, да не шёл с дружиной в Тверь. Хоть и не был воевода в ближних боярах у Александра Михайловича, но на его службе продолжал числиться, а потому не смог предать князя и земли родной, потому и поехал. Когда татары к Твери пришли, бился честно и отважно. Побили ордынцы дружины тверские, город сожгли, и мало кто в живых остался. Боярина Кирилла, видимо, молитвы жены уберегли, а потому вернулся он в Варницу – в земли ростовские, которые пока всё ещё нетронутыми стояли. Татары с князем Иваном Даниловичем погнались за князем Александром Михайловичем, который в Новгород бежал, а потому остатки тверских людей добивать не стали.

Боярин Аверкий, в ожидании бедствий княжеству Ростовскому как союзнику Твери, перевез домочадцев своих в усадьбу зятя. Жили они тогда все вместе в тревоге великой, дожидаясь прихода московского князя. Понимал управитель Ростова, что великое владимирское княжение теперь перейдет к Ивану Даниловичу, а уж тот найдет способ как наделы тверские к рукам своим прибрать. Когда же станет Ростов покорен Москве, тогда и начнёт Иван Данилович бояр, состоявших на службе у князя Александра Михайловича, да и не только их, гра-

бить да убивать. Вот почему и говорил Аверкий Дмитриевич Кириллу, чтобы тот готовился к уходу из земель ростовских. И ехать надо было уже не в Новгород, который принял московскую сторону, а в Рязань или ещё лучше в Пронское княжество. Хоть далеко до него и ближе оно к Дикому полю, да Москве сильнее других противится, а потому не выдаст. И ещё говорил тысяцкий, что московское княжение, и это видно по многим приметам, обернётся для людей ростовских хуже татарского.

Такие слова слушать боярину Кириллу было нестерпимо. Столько раз он бился с погаными, столько их в землю сырую положил, а теперь выходило, что они ближе своего русского князя. Перечить боярину Аверкию из уважения к его седине Кирилл не перечил, но и в дорогу собираться не торопился.

В правоте слов тестя своего воевода убедился довольно скоро. И понял, что не зря в народе говорится: кто долго жил, тот много видел, а потому и правду наперёд угадать может.

Иван Данилович с татарами погаными не только тверские земли разорил, но ещё и новгородские. Взяв с Великого Новгорода две тысячи гривен серебра отступного, назад пошёл и опять-таки многие другие города платить приневолил. Воротился московский князь в Золотую Орду с великим доселе невиданным выходом. Сильно порадовался хан Узбек такому радению, а потому дал Ивану Даниловичу ярлык на великое владимирское княжение. Долго потом на Руси говорили, правда, не в полный голос, так как за речи подобные голову можно было потерять, что свое величие московский князь Иван Данилович кровью мужей, да слезами жёнок русских купил.

Чтобы ещё прочнее привязать Ростовское княжество к Москве, отдал Иван Данилович дочь свою Марию, за князя Константина, а в качестве своего догляда прислал в Ростов боярина верного – Василия Кочева. Вот тут и началось то, про что Аверкий своему зятю наперёд говорил. Стали люди Кочева по всем дворам и усадьбам рыскать, верных людей князя Александра Михайловича выискивать и под видом сбора выхода для Орды имущества лишать, особо противившихся произволу избивать, с законных вотчин сгонять, да насильно отправлять в земли московские.

Даже боярина Аверкия Дмитриевича, уже совсем старого человека, и то не пощадили: обобрав до нитки последней, за ноги подвесили, да палками били. Вследствие этого тот и помер.

Хотел было Кирилл Афанасьевич отомстить за крестного отца любимой жены и убить боярина Василия Кочева. Стефан, которому уже исполнилось восемнадцать, и биться он мог не хуже любого опытного дружинника, с ним тоже идти собирался. Мария же слезно упростила мужа пожалеть её, да ещё двух других сыновей с дочерью, которых за дерзновенность Кириллову могли тоже жизни лишить. Вот потому боярин Кирилл Афанасьевич мстить не стал и разорению, что ему чинили московские вороги, уже особо не сопротивлялся.

Было у боярина Кирилла опасение за семью свою, а потому совет держал с женой и детьми: может все-таки лучше ехать в Радонеж, а не в далёкое Рязанское княжество? Строго было наказано всем неугодным боярам с родней ихней, со слугами, и скарбом, какой взять смогут, направляться в удел Андрея Ивановича. Того, кто ослушается, обещали изловить и наказать жестоко. Недолго говорили они в тот вечер, но к выводу пришли единодушному, что коли уж в ростовских землях такое избиение от московских идёт, то в их уделах, вообще жизни не будет. Вот и пререшили, что нет смысла ехать в Радонеж под руку князя Андрея Ивановича, младшего сына великого владимирского и московского князя, а направится, как и советовал боярин Аверкий Дмитриевич, бывший тысяцкий Ростова, в Рязанское княжество.

Бежали из Варницы скрытно. Дорога была не лёгкой, путь не близкий, а потому и волновался Кирилл Афанасьевич за домочадцев своих. Пока от Ростова отъезжали, остановок старались не делать. День проходил за днём, неделя за неделей, но дорога была спокойной; никто вроде бы не гнался. Вот уже и месяц в пути прошёл, а боярин Кирилл Афанасьевич, всё равно,

нет-нет да оглянется. Чем дольше длилось путешествие, тем с большой тревогой поглядывал бывший воевода на жену свою, на дочь, на сыновей. Всё-таки не ратники, не торговые люди и таких далёких переездов никогда раньше не совершали.

Посмотрит муж на жену свою Марию с тревогой, а та всегда в ответ ласковую улыбкой отзывается. Прожили вместе вот уже двадцать лет, а всё в сердце боярина любовь к жене не проходит. Голова и борода уже седая, а в мыслях разных предстает она перед ним, как в тот первый раз, когда увидел. Стройная гибкая девушка, вся светлая, что голубица сизокрылая.

Сколько вместе прожили, но ни разу не случилось такого, чтобы жена поперек мужу хоть единожды слово сказала. Не только муж, но и все прочие – дети и дворня, – от боярыни грубого слова не слыхивали. Порядок с детьми и в хозяйстве всегда могла наводить лишь взглядом одним. Всех детей своих растила и воспитывала так, чтобы перед людьми стыда не иметь. И здесь у Марии все ладно получалось. Дети подрастали, отца уважали, мать любили беззаветно, были послушны и скромны, перед другими не гордились, но и своего достоинства не роняли. От работ не бегали, были трудолюбивы. То, что жизненных путей своих не выбрали, так на то время не приходило. Это вот сейчас, по дороге в Рязанское княжество, боярин Кирилл Афанасьевич, глядя на сыновей своих, проникся думой серьезной и тревожной – о будущей их судьбе: кто же к какой службе из них пригодным окажется? Не то, что об этом раньше мыслей не возникало, возникали и не единожды. Но в годы прошлые, хоть и воевать тогда доводилось и смерть не раз подле себя видеть, не было в сердце такой тревоги за сынов. Тогда жизнь боярину Кириллу Афанасьевичу много проще представлялась.

Когда исполнилось Стефану одиннадцать лет, а Варфоломею пошёл седьмой год, то, помня наставления из «Поучения» Владимира Мономаха, а боярин Кирилл Афанасьевич читал сию книгу вслед за писанием Божьим, поехал он в Ростов к тестю своему. Просил тогда боярин, чтобы правитель Аверкий Дмитриевич пристроил внуков своих на книжное учение, в какой ни есть монастырь. Когда с просьбой обратился, лишь только тогда во всей полной глубине горькой правды узнал Кирилл, вечно в походах находившийся, что ещё с того дня как приходили татары в Ростовское княжество, пожгли они много книг переписных – патериков, хроник, изборников, апокрифов, пчёл, а храмы многие до сей поры в запустении пребывают. Того, кто грамоте обучен был, тех наравне с другими мужами в плен угнали, а потому нынче не то, что стоящего уставодержателя найти, а дьячка, псалтырь читающего не сыскать. Бывает, что забредёт в город, ненароком какой книжник, мастер грамоты, так страх бывает иной раз на того глянуть. В еде и питье не воздержан, сквернослов как последний басурман. Одна радость, псалтырь читает да уставом пишет. Настоятель за него и молитву совершит, и глаза закроет на его убожество, да и доверит какую сохраненную книгу наново переписать. А что делать?! Мало ноне учёного люду осталось, что среди бояр, что среди духовенства. Но всё же пообещал боярин Аверкий Дмитриевич, что если представится какой случай, то пришлёт он книжника на двор к Кириллу Афанасьевичу.

Время шло, книжник всё не появлялся. Хорошо помнил боярин Кирилл из наставлений князя Владимира Мономаха: «В дому своём не ленитесь, но за всем присматривайте сами». И ещё: «Не забывайте того хорошего, что вы умеете, а чего не умеете, тому учитесь». Вот потому-то в те дни, когда дома бывал и отдыхал от трудов ратных, сам пытался детей учить. Науку ратную перенимали сыновья легко и быстро. На конях скакали, из лука стреляли, на мечах бились и с копьём управлялись. Когда же вознамерился отец детей обучать псалтырь читать и письму, то для этого случая припомнил наставления митрополита Михаила, который предписывал учить чад стройно, в правде и любви, в духе заповедей Божьих, в благонравии. Причём, ни яростью, ни жестокостью, ни гневом, а лишь снисходительно и кротко.

Был боярин Кирилл Афанасьевич больше воином, нежели книжником, а потому дело двигалось не так быстро, как в науках ратных. И кротким был с сынами, и терпеливым, но всё же аз, буки, веди выводили дети плохо. Кирилл Афанасьевич сам-то писал не как уставо-

держатель – выходило весьма скверно, а у детей и того хуже: буква на букву залазила, и строка, словно с горы на гору бежала. Правда, Стефан стараниями отца все-таки читать псалтырь начал. Пётр, которому на ту пору пошел пятый год, бойко за Стефаном и боярином Кириллом все буквы повторял. Варфоломей же буквы, начертанные отцом, не понимал, и как они произносятся, все никак запомнить не мог.

Слава богу, что ростовский тысяцкий Аверкий Дмитриевич своего обещания не забыл, да подослал-таки в дом зятя мастера грамоты. Как и говорил тесть, вида тот оказался не совсем благообразного. Чернец, длинный и худой, что жердь, прежде чем с чадами ознакомление произвести, испросил себе плату, еду и питье.

Ел мастер грамоты много, в питье же оказался воздержанным – лишь воды испросил, чем боярина Кирилла Афанасьевича и жену его Марию порадовал. Но когда речь о плате зашла, торговался зло. Обещал обучить детей псалтырь читать, письму, петь в церкви, да ещё двум языкам – греческому и латыни. Как знал чернец латынь, то бог ведал, а по-гречески с ним Мария поговорила и мужу удостоверила, что не соврал мастер грамоты, хорошо владел сим языком.

Вскоре довелось боярину Кириллу Афанасьевичу в поход отправиться и детей полностью передать на пришлого учительского человека. Когда же воевода вернулся, то чернеца и след простыл. Пробыл он с детьми пять месяцев. Стефан и Пётр очень быстро научились читать и писать, говорить на языки чужеземных, а Варфоломей как был, так на месте и остался топтаться. Чтобы как-то учение с места сдвинуть взялся было мастер грамоты за палку и поколотил Варфоломея. Мария про то прознала, сильно огорчилась, да и выгнала чернеца прочь, не уплатив ему сполна, как вначале уговаривались. Кричал обиженный книжник, что глупую овцу не грех палкой отходить и что такого недоумка, как Варфоломей ему видеть ещё не приходилось. Потакать такому, значит уже сейчас душу ему губить. Слышал всё Варфоломей и плакал, не от боли, а от обиды. Вон Петру удалось всему научиться, а он даже читать не выучился. Мать с отцом его утешали, говорили, что придёт другой книжник и уставодержатель и дело поправит.

Присылал боярин Аверкий Дмитриевич и другого мастера грамоты, тот был благообразней первого: старше в годах, нрава тихого и кроткого. Псалтырь бегло читал, не спотыкался на каждой буквице, как прошлый чернец, знал много хроник и складно рассказывал. И опять, Стефан и Петр у него много переняли, а Варфоломей, где был, там и остался, ни на шаг не продвинулся. Уходил кроткий старец без брани. Сам на Варфоломея не гневался и родителям воспретил. Сказал, что у среднего сына Кирилла и Марии разум не познанием грамоты обеспокоен, но познанием Бога. Как и когда ему истина Заповедей Господних откроется, так и учение пойдёт без труда всякого. Боярин Кирилл Афанасьевич и его жена были людьми богобоязненными, чтити Отца Небесного во всей полноте душ своих, но смысл речей старца им остался не совсем понятным.

Стефан рос сильным, рослым по всем статьям своим вылитый боярин Кирилл, а потому за его судьбу родители не опасались. Мог старший сын пойти на службу к любому князю, если на то желание появится. Мог и свои торговые дела вести – как дед Афанасий, что в Новгороде сидел и лавок имел числом пять раз по три. Так как родители особо не неволили, то старший сын подумывал о службе у великого владимирского и тверского князя.

Пётр, хоть и был самым младшим из детей, но по росту своему от Варфоломея не отстал, за Стефаном тянулся и тоже был высок и плечист, в науках хваткий, а потому его судьба особо отца с матерью не беспокоила.

Глядя на среднего своего сына, родители не знали, что и придумать для его будущей участи. Был Варфоломей статью нежен, больше походил на молодую девушку, и в облике его пребывало главным образом от матери, нежели от отца. Вот и судили родители, что на службу ратную его определять, значит подвергать опасности смертельной больше обычного. В купече-

скую среду среднему сыну дорога тоже заказана. За товаром ездить требуется в страны разные и далёкие, порой через леса дремучие, а по дорогам, особенно после прихода татарской Орды, разбойных людишек появилось больше прежнего. Чтобы от них отбиваться, тоже требовалось умение воинское и силы немалые. Подумывали родители и о службе священнослужителя, да вот беда, никак не мог Варфоломей грамоты осилить. К тому же, и это пугало Кирилла Афанасьевича и Марию больше всего, средний сын сам никакого желания не выказывал, только ходил, что днём, что по вечерам, не в меру задумчивый и всё к чему-то прислушивался. То ли в самом себе что искал, то ли и вправду, Небесам и Богу пытался внимать. Случалось и так, что слёзы лил Варфоломей непонятно по какому событию. Мать начинала у него допытываться, не болит ли что, да ответа добиться не могла. Разным лекарям да врачам среднего сына показывала, но те только головами качали, и никакой болезни в мальчике не находили. Вот и рос Варфоломей, волнуя родителей больше, нежели другие их дети. Но после того, как ушёл от них второй мастер грамоты, боярин Кирилл и жена его Мария для себя твёрдо решили, что надобно в судьбе среднего сына на Божью милость положиться, а самим боле не тревожиться. Пока ждали лучшего часа, случилась лихая напасть для Тверского княжества, а значит и для боярина Кирилла.

Теперь, когда пришлось им перебираться в Рязанское княжество на неизвестно какое житьё, прежняя тревога вернулась к отцу, и потому смотрел он на среднего сына чаще, чем на других своих детей. Варфоломей за время длительного пути ни одного раза не пожаловался на трудности, хотя езда в седле давалась ему много тяжелее, чем братьям.

Когда вдалеке завиднелись стены города на Оке, боярин Кирилла Афанасьевича вздохнул с большим облегчением.

– Слава Богу, доехали, – сказал он, повернувшись лицом к жене.

Глава вторая

Великий владимирский и московский князь Иван Данилович предавался тревожным думам, чем прогонял от себя сон, такой необходимый в последние дни. Которую уж ночь спать, как того требовалось для отдохновения, не получалось. То одно случалось, то другое наваливалось, и беспокойства эти заставляли голову напряжённой работать, сердце учащённой стучаться в груди, а кровь быстрее бежать по жилам. Приневоливали дела дневные подолгу возлежать с открытыми глазами ночью. Бока, от бестолкового перекачывания, скоро принимались саднить, а потому Иван Данилович осторожно приподнимался и подолгу просиживал на кровати просто так.

Вот и сейчас, выпростав ноги из-под одеяла, с великим бережением, чтобы не заскрипело ложе, сел. Посмотрел на лежащую рядом Елену: не обеспокоил ли? Жена, такая близкая и родная, надежда и опора в тяжких думах и сомнениях, спала. Очень часто, когда пребывала надобность выговориться, а довериться было некому, то он беседовал с ней. Говорили обычно в опочивальне. Дождавшись ухода постельничего, Иван Данилович принимался долго объяснять собственные поступки, изрекая обиды на ближних и дальних, которые не всегда разумели замыслов его, а потому прекословили и чинили препятствия.

Нынче тоже вот восхотел было поделиться с Еленой последними тяготами, но жена, которая не первый день прихварывала, быстро заснула. Тревожить её князь Иван Данилович не стал, но и без излишняя души, такого нужного для успокоения, заснуть не мог.

Тяжко, с великими грехами, складывались дела последних дней. То, что прегрешения велики и как ни крути, а приходилось их все до единого брать на себя, великий владимирский и московский князь понимал хорошо. Вот потому-то и требовалось, чтобы жена послушала и пожалела бы, а ещё лучше – нашла бы словечко утешительное. Даже если бы не оправдала его поступков, то поуспокоила; Елена очень хорошо знала, что и в какой момент мужу потребно. Правда за Марию, старшую дочь, пребывала жена на Ивана Даниловича в обиде. Разлучил он любящие сердца, отдал Марию за ростовского князя, поставив во главу интересы земли родной.

Он, великий князь владимирский и московский, Иван Данилович, оторвал от себя обожаемую дочь, огорчил жену, которая сопротивлялась браку Маши с нелюбимым ростовским князем Константином, и отдал-таки дочь в высокомерный Ростов. Этот Аверкий, большой боярин и городской тысяцкий, разнообразными ругательными высказываниями, дозволил себе оскорблять дочь Марию и его самого – великого владимирского и московского князя! Такой обиды стерпеть мочи не оказалось, а потому очень восхотелось, чтобы чванливому боярину произвели поношения и причинили боль, пуще той, которую тот сам сделал. Но помимо личной обиды, пребывала у Ивана Даниловича и другая нужда – собирать выход. Ярлык на ростовское княжество был куплен великой ценой. Такой большой, что собственного серебра уже не хватало, вот и появилась надобность откуда-то эти деньги собрать. Ростовские бояре, торговый и ремесленный люд на выход, который им назначила Москва, не соглашались. Не было, дескать, такого уговора, говорили они. Утверждали, что и нет у них столько серебра. В душе своей опасался Иван Данилович, что не собрать ему огромной дани, что была обещана хану Узбеку, а потому помыслил дать добро на отъём силой. С этой целью созывал великий владимирский и московский князь Иван Данилович ближних бояр, стремясь разделить с ними ответственность.

Тысяцкий Воронцов-Вельяминов незамедлительно сообразил, чем тут дело обернуться может, а потому отвечал уклончиво.

– Серебро брать надобно, но и бояр обижать не пригодно. Завтра ить буде нужда в их, так ведь не пойдут за нами.

Боярин Плещеев предложил дать ростовским самим собрать тот бор, каков потребен.

– С кого возмогут, с того пусть и берут. Ежели даже обиды через то, кому причиняются, так Москва и в сем деле не причём. Сами свой люд обирали, пусть потом и ответственуют.

– Как же, сберут они, дожидайся! До сей поры хану Узбеку за прошлые года выход не даден, а нынешний им и подавно не осилить самим, – возразил боярин Хвост.

И преданно посмотрев в глаза московскому князю, ласково добавил:

– Ты, Иван Данилович, у нас сам голова о семи пядей, и что надумаешь, то мы и поддержим. Тут ведь вопрос ещё и сугубо сродственный.

Подлый Хвост напомнил, и вроде бы не с обидой, о замужестве старшей дочери, но укоризну в том князь Иван Данилович уловил. Да, ростовский князь Константин, стал зятем. Начать московитам серебро силой собирать, значит ему же и оплеуху, как бы отвешивать.

Но не этого по большей части тревожился Иван Данилович. С зятем дело простое: коли уж восхотелось при сильном владетеле пребывать, то и к затрещинам привыкать надобно без гнева.

Стало в последнее время у Ивана Даниловича со здоровьем не совсем ладно. По этой причине и начало его больше обычного заботить, что же останется после него, князя великого владимирского и московского в хрониках и памяти людской. Как про его деяния в летописях запишут. Больше, чем когда-либо прежде, стал вызывать к себе великий князь дьяка, приглядывающего за писцами, которые старые грамоты переписывают и новые от летописцев множат. Свои московские борзописцы за делами споро поспевают. Случается, что присовокупят к делам совершённым несусветную придумку и вознесут похвалу московскому князю до самых до небес. Не то, чтобы Иван Данилович такому потворствовал, но и особо препятствий не чинил. Пускай пишут, не всё сохранится; сколь грамот и книг рукописных в пожарах московских погорело, не сбереглось. А так, какая останется и станет в противовес тому непотребному слову, что оставят про него те же ростовские, тверские, новгородские иже с ними вкупе другие летописцы. Не хотелось бы, чтобы по прошествии лет, поминали о нём, князе Иване Даниловиче, лишь как о тате, лихоимце, преданном холопе татарского хана.

Даже некоторые ближние бояре не осознают до конца замыслов его, которые направлены на установление покоя в землях русских. Вот начал Иван Данилович выход за московские земли платить без задержки, и татары уже к нему не ходят, зря смердов не губят, изб не жгут, посева не топчут. Оттого-то Московское княжество быстро богатеет, сильнее делается. Надобно и со всеми русскими землями такое учинять. Тверь сего не понимает, Ростов не понимает. Усиленно противятся. Бояре на думе говорить говорили, а принимать решение оставили князю. Он принял. Дал-таки добро, пускай ладят силой, и ни на кого не обращают внимания. Боярин ли, торговый человек ли, люд ли посадский. Отправил преданных слуг.

Боярин Василий Кочев, который по велению князя Ивана, вместе с боярином Миной, обязаны были взять с Ростова серебра немало, должен уж как два дня назад объявиться. Но тот всё не ехал. Уж сторонние стали доносить, как круто обошлись московские с ростовским тысяцким и прочими большими боярами. Ненавистного Аверкия подвесили за ноги, и висел старец вниз головою полдня. Лишь после того, как отдали за него требуемый выход, был отпущен. Таких действий и поступков слуг своих Иван Данилович, вроде и не одобрил, но и гнева особого не держал. Наоборот, чувство отмщения радостно теснило в груди: убить не убили, а опозорили хулителя чести московского князя на славу. Даже когда потом донесли, что ростовский тысяцкий преставился, и то не осерчал Иван Данилович. Правда, опять долго думалось, как про сей случай в летописях живописать станут. Сызнова призывал дьяка, повелел о сем случае не упоминать. Тот отсоветовал. Говорил, что в других княжествах всё равно уж занесли сие событие в хроники. Вот по такой причине им тоже следует о нём упомянуть, но как о деле вынужденном, направленном на благо Руси. А ещё предложил дьяк боярина Кочева с Миной прилюдно не жаловать, а выказать им княжеское неудовольствие за самочинные деяния.

Даже прибудь боярин Кочев днями положенными, то и тогда бы не видать ему чести от великого князя. Ныне же гневался Иван Данилович и на Кочева, и на Мину больше обычного. Вести шли от сторонних одна другой неприятнее и обиднее. Серебро по всем домам боярским, купеческим и посадским брали без меры и счёта. Что в глаза бросалось, то и срывали. Скрытни боярские и купеческие выворачивали, и тоже без учёта вершили отъём. Понимал Иван Данилович причины задержки слуг своих: не одну телегу с добром везут и Мина, и Кочев в свои вотчины. Прочие кмети, тож, небось, себя не обделили. Озоровать и пограбить в дружине имелось много знатных мастеров.

Вот и не спалось Ивану Даниловичу в эту ночь, раздирала великого князя двойная обида. С одной стороны, очернили бояре имя его, и уж точно найдётся летописец, кой сочинит про тот ростовский грабёж. И не будет там поминаться о надобности великой – соблюдаемом покое на Руси, кой покупается большим выходом. Не скажется там и о бесчестие, нанесённому московскому князю боярином Аверкием. Но уж про погром ростовский обскажется в самых черных красках, и обвинят за всё за то его, Ивана Даниловича.

Ещё вдруг подумалось этой ночью великому князю, что нельзя было так обирать город зятя своего Константина, в коем пребывает дочь его Мария. Теперь-то ей, на веки вечные проходу не дадут. Ни в церковь не выйти, ни на каком празднестве не появиться: все в след плевать станут. Обирали бояре московские с кметями, как теперь мыслил князь Иван Данилович, уж не на покрытие выхода татарского, а на свой карман. То была вторая досада, которая изводила Ивана Даниловича, больше первой. Уж не раз перед мысленным взором великого князя проплывали обозы, груженные ростовским добром, кои текли не в его казну, а в схроны Кочева и Мины.

Ярость туманила голову Ивана Даниловича, мешала спать, а потому и приказ отдавал: – Срочно звать Кочева! Доставить хоть среди дня, хоть среди ночи, но немедля!

Важный гонец, посланный из ближних бояр, тоже запаздывал уже не на один день.

«Небось, ростовским добром прельстился и тоже мешки седельные загружает», – думал Иван Данилович.

Было вокруг московского князя ворья не мало. Что без таковых ловчил не обойтись в делах, свершающихся не по писанию Божьему, владимирский и московский князь Иван Данилович понимал, а оттого и дополнительную тяготу на сердце имел, какую снять уже никому не было возможно. Даже разумной жене, которая, оставив его в этой ночи одного, безмятежно спала.

Дверь в опочивальню тихо приотворилась. В небольшой проём заглянул постельничий, за коим маячила фигура дворского. Иван Данилович уразумел, что прибыл-таки боярин Кочев. Кивнул головой, мол, пусть ждёт, скоро выйду. Дверь затворилась.

Иван Данилович посмотрел на жену, та от проникшего холодного воздуха спрятала руку под одеяло, но не проснулась. Как ни хотелось скорее узнать, с чем прибыл Кочев, Иван Данилович себя унять возмог. Посидев на кровати ещё довольно длительное время, взял светильник и вышел из опочивальни. Постельничий уже стоял с одежей наготове. Одевался Иван Данилович как никогда медленно.

«Надобно выдержать татя энтого, – помышлял он, – тогда злодей прятче покается в содеянном. Правды, без сомнения, не добиться, но хоть близко к ней приблизиться возможно станет».

И еще неотвязно крутилось в мыслях: «Собрали или не собрали требуемый бор московские бояре? Коли взяли, то и за всё второе можно было не взыскивать. Главное бы собрали!».

Когда выходил Иван Данилович к Кочеву, думал, что боярин Василий уже сомлеть бы должен, а тот, собачий сын, сидел на лавке и в ус не дул. Завидев князя, поднялся и степенно, как показалось Ивану Даниловичу, с чувством не смущённого достоинства поклонился.

«Вот ведь тать, и не выговоришь, что злодейства чинил, добро в свой удел отправил», – с чувством невольного уважения подумал великий князь. А то, что Кочев отправил, Иван Данилович не усомнился ни на одно мгновенье.

С хмурым выражением великий владимирский и московский князь остановился напротив боярина. Тот поднял глаза. Ещё какое-то время стояла тишина, и когда Иван Данилович её нарушил, то вымолвил лишь единственно:

– Ну?

– Сделано всё, как ты и повелел великий государь, – весело и с нескрываемым торжеством произнёс боярин Василий.

«Сколь же энтот сучий сын себе свёз, коли радостно ему так?!», – с удивлением помыслил Иван Данилович, который давно и хорошо знал Кочева. – «Чтобы таковым ликующим пребывать требовалось полной мерой черпать и немало на свой двор свезти. Но ежели себе схватил до умомрачности, то и бор справить должен полным пределом.

И снова лишь едино слово слетело с уст князя:

– Ну?

– Пришлось, однако, ростовских-то поприжать так, дабы мало им, сучим детям, не показалось. Но ведь иначе бы серебра бы и не дали.

– Аверкия почто до смерти забили?

– Да кто же его забивал?! Дали по пяткам лишь для острастки совсем немного, и с десяток не набралось. Это за тот случай, каковой кобенился через всяк край. Уже опосля он и отдал Богу душу, но там без наших молитв обошлось. Ты, Иван Данилович, сам посуди, как можно было не присудить его к палкам, ежели никакого уважения к Москве и в помине не проглядывалось, одна едина хула да брань. Дали б воли, нас бы сызнова и побили. Они уж и свойских кметей вдосталь насобирали и по всему видать, готовыми обретались. Мы ж их единственно упредили. Как ихней тысяцкий в петле заболтался вверх тормашки, так все прочие бояре разбежались. Холопам же их то в забаву даже получилось, а потому и препятствий боле ни от кого не возникало. Сбирали по всем дворам уж боле без принуждения.

– Как так без принуждения, коли бояре, с насиженных мест подались, кто куда?

– А и беды в том нету. Кому нынче те общипанные кочета потребны станут. За ими ить даже холопы не подались, а все на твои земли запросились. За мной в след таковым скопом движут, точно слово моё, что удовлетворён останешься, Иван Данилович.

Московский князь вновь устремил безмолвный взгляд в лицо боярина, точно так же, как это дел хан Узбек: холодный, ничего не выражающий и не вопрошающий, но проникающий во все потаённые мысли.

Боярин же Василий и его выдержал с легкой радостной улыбкой на лице.

«Сколь же энтот шельма доставил, раз таковым молодцом себя держит?!», – удивленно помыслил Иван Данилович.

– Донесли верные люди и о том, как боярина Варницкого – Кирилла, что Аверкию зятем доводится, тож обижали сильно. Брали без меры, оставили без припасов, и что ушёл он с домоладцами то ли в Рязань, то ли ещё куда. Правда, ли то?

И опять Иван Данилович не торопился заводить разговора о выходе. Давал понять боярину Василию, что о ростовских обдирах слышан довольно, а потому говорить неправды ему, великому князю, нельзя. Может выйти себе дороже.

В единый раз за весь разговор сбледнел лицом Кочев, но голос при ответе не вздрогнул.

– У большого боярина Кирилла поимели много. Может статья, чего-то записать и не успели, так то от поспешания. Ведь ты сам, Иван Данилович, прислал с наказом строгим, коей нас и поторапливал. Ежели даже и записи про что нету, однако в телегах всё до единой вещицы подвезли. Спроси хоть кого хотишь, хоть у тех же верных людей, – произнёс с легкой обидой в голосе боярин Василий, не отводя ясных глаз от московского князя.

«Хорош подлая душа! Врёт, по всему видать, что врёт, а в глазах горькая обида за оговор и напраслину», – подумал Иван Данилович, и вслух примирительно выговорил:

– Ну, будет! Сказывай сколь забрал. Что я велел, взяли?

– Чуть поболе, – лукаво проговорил боярин Василий.

– Полно терпенье моё пытаться. Поболе то сколь? В пол раз, раз, али два?

Теперь Василий Кочев выдержал паузу, и лишь затем торжественно отчеканил:

– От того, что ты, великий государь, наказывал, в три раза поболе собрали.

На какое-то мгновенье Иван Данилович обмер, но потом с восторгом и восхищением прижал к груди своего такового верного слугу.

Глава третья

Не стала Рязань новым домом для семьи боярина Варницкого. На постоянный княжеский двор их не пустили. Сказали, что нынче приехал из Пронского удела князь Александр Михайлович с боярами, а потому для гостей места не осталось. Дворский, что беседовал с Кириллом Афанасьевичем, посоветовал ему доехать до усадьбы боярыни Анастасии, вдовствующей с последнего татарского набега. Двор у неё, конечно, не тот, что прежде, но живёт та с двумя детьми, а потому место для постояльцев знатных сыскать сможет.

Боярыня Анастасия, была женщиной богобоязненной, заповеди читала, а потому нуждающимся беглецам не отказала и за постой платы не требовала. У вдовицы, по годам ещё не старой, оказалось двое детей. Старшей дочери Анне исполнилось тринадцать годов, и она была матери за помощницу; уже приглядывала за дворней. Сыну Андрею шёл седьмой год, а потому любил он больше на дворе быть, да стрелы из лука пускать в березовые чурбаны. Как какая стрела в цель попадала, так и кричал юный боярин: «Это тому поганому татарину, что отца моего убил». При этих словах, вдовица украдкой слезу смахивала и со двора быстро уходила в дом, где принималась плакать. Было видно, что ещё не зажила сердечная рана о погибшем муже.

Боярыни между собой сдружились быстро, и проводили много времени на женской половине.

Между всеми делами не забыл боярин Кирилл Афанасьевич со своей семьёй и новыми знакомыми сходить в соборную церковь Бориса и Глеба. Благодарили Бога за счастливое избавление от тягот прошлых, за помощь в длинной дороге, какая добром завершилась, молили о новой поддержке.

Неделя прошла, а рязанский князь Иван Иванович не спешил принимать новоявленного боярина Кирилла Афанасьевича. Правда, Александр Михайлович Пронский всё ещё в Рязани находился, да о каких-то своих делах беседы вёл. Но ведь не целый же день, и при желании могла найтись свободная минута у великого князя, чтобы боярина на службу взять и надел ему определить.

Как-то шёл Кирилл Афанасьевич после очередного отказа думного дьяка и столкнулся нос к носу с высоким статным господином в дорогих одеждах в окружении служивых людей. Те было попытались боярина Кирилла в грудь ударить и отпихнуть, да тот двинул одного так, что летел кметь на пять шагов. Второй было за саблю схватился, но господин его строго остановил и выговорил:

– Прежде чем людей пихать взашей, смотреть надобно, кого толкаешь. Не видишь, что воин перед тобой доблестный?! – и уже совсем не строго спросил у Кирилла. – У тебя ко мне просьба имеется?

Боярин Кирилл учтиво склонил голову и ответил:

– Ежели ты не государь, великий князь Иван Иванович, то извини, что беспокоил.

Богатый господин внимательно глянул в лицо боярина. Задумался на какое-то мгновение, а потом произнёс:

– А я ведь тебя, пожалуй, знаю, – сказал он с удивлением в голосе. – Не был ли ты в улусе татарском у хана Узбека, когда дядю моего Василия жизни лишили?

Кирилл Афанасьевич поднял глаза. Он догадался кто перед ним, а потому поклонился ещё учтивей, но достоинства своего не теряя.

– Твоя правда, князь Александр Михайлович, довелось мне в те года, находится в Орде при князе моей Михаиле Ярославиче Тверском. Только уехать прежде пришлось, чем то горе приключилось с Василием Константиновичем. Мы ведь с ним дружбу водили, – сказал боярин Кирилл.

– И про сие мне ведомо, – качая головой, подтвердил пронский князь. – А тут, с каковою надобностью?

– Не знаю, слышал ли ты, как московский князь обошёлся с людьми ростовскими? – спросил бывший воевода.

– Да про сие уж слух и до нас дошёл.

– Ну вот, по причине таковой, пришлось уйти из родного дома. Сюда же приехал службы искать, да всё никак до государя Ивана Ивановича не дойду. Занят он.

Александр Михайлович бросил взгляд на дубовый терем рязанского князя, а потом сказал:

– Быть мне сейчас у брата своего двоюродного, и ежели пожелаешь, за тебя спрошу. А ты потом зайди ко мне на подворье. Там и ответ тебе дам.

Когда боярин Кирилл в знак согласие голову наклонил, кивнул ему и князь пронский, а потом быстро направился в гридницу, где уж ожидал его великий князь рязанский Иван Иванович.

Ближе к вечеру того же дня пришёл Кирилл Афанасьевич на подворье пронского князя и велел доложить о себе. А ещё через минуту, отрок вёл его по переходам недавно отстроенного большого терема, где ещё пахло сосновой смолой.

Князь Александр Михайлович сидел в комнате со многими оконцами, а потому было не темно. На столе перед ним во множестве лежали различные грамоты, которые он просматривал. Увидев входящего боярина, поднялся навстречу, приобнял и посадил рядом.

– Вижу ты, Кирилла Афанасьевич, меня не признаешь, а был я тогда отроком малым и находился в Орде при дяде моем Василии. Ведь не вспомнишь меня?

– Не прогневай, княже, не могу тебя припомнить. В те дни народу в Орде пребывало много, да и мне не столько годов было с тем, дабы внимательно за всем наблюдать.

– О чём ты, боярин, речешь?! Нет у меня на тебя гнева, просто вспомнилась жизнь у татар и радость, что удалось живым оттуда уйти. Могли ведь, как и князя Василия удавить, кто помешал бы.

Боярин Кирилл вздохнул.

– Да, тяжела жизнь наша, и тогда, и сейчас, – сказал он. – Существоем и не знаем, когда и где конец придёт. На всё воля Божья.

– Твоя правда, Кирилла Афанасьевич, твоя, – тихо вымолвил князь Александр и встал. Поднялся и бывший ростовский боярин.

– Переговорил я с братом о твоём деле. Плести не стану, скажу прямо: не восхотел тебя Коротопол на службу брать. Боится. Сам как год сел на княжеский рязанский стол и нынче опасается отношение портить с Москвой. К тому же, есть у него договор, в коем величается он младшим братом. Отсюда выходит, что в воле он нового великого владимирского и московского князя Ивана Калиты.

Боярин Кирилл с удивлением посмотрел на князя. Тот взгляд понял.

– Так народ прозвал Ивана Даниловича. То ли за руки его загребушие, всё под себя затягивающие. Возможно, что и за сумку денежную, кою москвит при себе всегда носит с денежкой мелкой да нищему люду подаёт. Вот и ответственвал мне братец двоюродный, что тверских и ростовский бояр на службу принимать не станет, так как всем им велено в Радонеже быть. Про то ему доподлинно известно, так как сия грамота из Москвы совсем недавно доставлена была.

– Спаси бог тебя, Александр Михайлович, что озаботился моими делами, – сказал боярин Кирилл, вставая.

Пронский князь снова его усадил.

– Как нынче мыслишь устраивать свою судьбу? – спросил он.

– Пока не ведаю. Видать придется ехать в Радонеж, как и было велено московским наместником. Ежели, может статься, у тебя, княже, что для меня найдется?

– Ведомо ли тебе, зачем я нынче в Рязани уже вторую неделю сижу? – спросил князь Александр Михайлович.

– Нет, мне про то неведомо.

– А разве люд на посаде ни о чем речей не ведёт?

– Может статься, и ведут речи, да я мало прислушиваюсь. Своих забот хватает.

– Так оно даже лучше, – сказал князь пронский и подвёл боярина к столу. – Вот все сии грамоты говорят о праве моем на землю Пронскую, как отчину мою. Они дают мне право безраздельно править землями этими по собственному своему разумению. Но вожделеет мой двоюродный брат Иван Иванович сделать Пронск уделом своим, меня же принудить платить выход ему, а не в Орду. На карте сей видно, что все городища и селища до реки Прони, а от Прони до самого Красного городка на Вёрде, а от Вёрды и до Дону, были в воле Олега Ингваревича. Затем все сии земли от него перешли к прадеду моему Роману Святому, каковой за веру пострадал и смерть в Орде принял, но не опоганился. Однако Иван Коротопол выслушивать меня не желает, и приневоливает жить по его правде. И ещё возникло у него вожделеение на моих землях садить своих вотчинников. Токмо не бывать сему! Даже ежели придётся мне за оружие взяться.

Князь Пронский посмотрел на боярина Кирилла, который слушал внимательно, вопросами не останавливал. Александру Михайловичу пришлось по нраву и то, что не увидел он в Кирилле Афанасьевиче испуга. Нынче многие вздрагивали от слов пронского князя, трусливо пряча глаза. Бывший воевода смотрел твёрдо и прямо.

– Давно мысль во мне зародилась, но для исполнения задуманного подходящего человека не отыскивалось, – продолжил говорить пронский князь. – Вот ежели бы ты отважился, то тебе бы препоручил. Дело сие многотрудное, но и награда станется немалой.

Снова пронский князь глядел на боярина, и снова тот молча слушал окончание мысли...

«Выдержки у боярина вдосталь, не суетен», – помыслил Александр Михайлович и взял со стола свиток, на котором был начертан план земли Пронского княжества. С ним пошёл к широкой лавке, что стояла у окна, и развернул на всю длину.

– Давай-ка мы с тобой вот на светлом месте пристроимся да побеседуем. Разговор будет не кратким, а в ногах правды, как речётся, мало.

Боярин Кирилл сел и бросил взор на чудно выписанные синие и зелёные узоры.

– Грамоту разумеешь? – поинтересовался Александр Михайлович.

Кирилл Афанасьевич утвердительно покивал головой.

– То радостно для меня и в удивление. В нынешние времена трудно сыскать грамотея, а потому вижу в том знак добрый. Глянь сюда. Сие есть моя земля.

Князь обвёл рукой по большой черной полосе. Потом показал на квадрат, чуть ли не на середине. Это был город Пронск, который стоял на реке Проне. Главный город княжества находился на высоком холме, что в купе с речной преградой делало его надежно защищенным от нападения с Дикого поля. Правда с тех пор, как татары пришли на Русь южные соседи откочевали в другие места, и уже мало беспокоили. Но очень часто на Пронск с плохо обороняемой стороны делали набеги голодные татарские орды. Хорошо, когда сторожа успевали замечать приближающиеся отряды, и тогда ворота закрывались, мосты поднимались, и город превращался в неприступную крепость. Но бывало и так, что туман, поднимавшийся над водой и не растекающийся до полудня, мешал обозреть происходящее за рекой, и тогда могла случиться беда.

Вот и надумал князь Александр Михайлович в верстах сорока от своего главного города заложить сторожевую крепость. А для этой цели облюбовал он Красное городище на реке Вёрде. В самом городище не было настоящего кремника, способного выдерживать хотя бы

временную небольшую осаду, а потому уже не раз подвергалось оно разграблению от проходящих татарских отрядов. В первый раз, когда Батый на Рязань шёл. Отдельные его тумены через пронские земли прошли, пожгли и пограбили многие селища и городища, были среди них крайние – Красный городок и Александровское городище. Потом уже случались самовольные набеги разных диких орд, которые для своего пропитания и удовольствия часто грабили незащищённые поселения.

Может статься, и восстанавливать их никто бы не взялся, да места, на которых находились вотчины пронского князя, были весьма удобными. Над всей низменной равниной, которая простиралась до самого Дона, возвышались две горы. Огибая их, бежала небольшая, но довольно глубокая речка Вёрда. Были поблизости леса сосновые и дубравы с вековыми деревьями, а потому строить было из чего. К тому же, пролегла рядом с двумя городищами караванная дорога, которая от Красного городка, сразу же за Вёрдой, растекалась на три стороны. Бессчётное количество купцов, стоявших ночным постоем в обоих городищах, платили не скупно, да и нужным товаром снабжали. Вот потому-то после каждого нового пожарища, люди пересидев в соседнем лесу, вновь возвращались на обжитые места, возводили избы.

По мысли пронского князя в крепости, которую надобно было ставить добротной и вместительной, могли бы укрываться в случае небольших набегов и торговый люд, и смерды с окрестных сел и деревень. При большой же опасности, когда на Пронское княжество вдруг шли бы татарские полки, то следовало бы загодя отправлять гонцов в Пронск с предупреждением, посадскому и ремесленному люду в леса уходить, а крепости, насколько бы сил хватило, татей сдерживать.

В связи со строительством крепости, и ещё одна задумка имелась у Александра Михайловича – приращения пахотных земель за счёт степного простора. В самом Пронске и в стороне между ним и Рязанью, пашня была худой, больше песка с глиной. А вот за Вёрдой – к рекам Воронеж и Дон, лежали тучные плодородные земли. Как было бы выгодно посадить там своих людей, собирать богатые урожаи, а потом продавать их в ту же Рязань или Коломну. Давно уже был готов пронский князь сажать на землю смердов, но из-за частных татарских набегов всё ждал подходящего случая.

Вот потому-то и нужен был князю Александру Михайловичу боярин, который бы смог поставить сторожевую крепость, знал бы ратную службу, загодя оповещал бы о приближающемся враге, умел давать отпор татарским отрядам. Когда выход платили исправно, то хан Золотой Орды гнева не держал на то, что русские города сами отбивались, да ещё брали в полон дикие отряды, вышедшие из повиновения сараевского владыки. Сел бы тот боярин-воевода на те земли своим наделом, но волю пронского князя воплощал, как свою.

Вот за такую службу обещал пронский князь боярину Кириллу Афанасьевичу великие блага и послабления. Давал со своих земель холопов и смердов числом до пятисот. Снабжал на год провизией. Обещал послать с боярином добрых мастеровых, способных по делу плотницкому, гончарному, кузнечному. Сулил не брать дани для своей казны пять лет, а лишь один татарский выход. И такое послабление было обещано для всех вновь приходящим под руку Кирилла Афанасьевича. А ещё разрешал столько земли взять в надел, сколько сможет, хоть до Ельца. К тому же, обещался платить ему ещё и как воеводе того края.

– Ну и как, по нраву тебя, боярин, такая служба?

Кирилла Афанасьевич хотел было подняться, но князь его удержал за рукав.

– Так ответствуй, – повелел он. – И знай, что за любое слово, сказанное тобой, не будет тебе от меня обиды.

– Вчера ещё пребывал я и без земли, и без места, так как всё отнял у меня Иван Данилович. А тут нежданно-негаданно по милости божьей и по твоей, князь Александр Михайлович, выпадает мне такое великолепие. Одного боюсь, княже, подвести тебя. Ведь я воин и крепо-

стей не возводил, а лишь разрушал. А ежели что и доводилось возводить, так это собственные хоромы вместе с другими постройками на своей усадьбе.

Пронский князь засмеялся, сгреб в охапку боярина, и, хлопая его по спине, произнёс:

– Воин лучше знает, каковым должен стоять кремник, дабы врагу сложнее было его захватить. Ну а мастеров, знающих да умеющих, я тебе тож выищу. Мои разбирательства на завтра заканчиваются в Рязани, а тотчас же на другой день мыслю отбытие в Пронск. Славно бы и тебе со мной отъехать. Коней, и всё что надо для дороги спроси, тебе будет.

Глава четвертая

Боярин Кирилл Афанасьевич стоял на вершине холма и не мог оторвать взгляда, от уходящей к линии горизонта, зелёной равнины. Впрочем, это была не совсем гладкая поверхность. Прямо у подножья склона начиналось болото. Прогалины синеватой воды, на которых плавали круглые листья с жёлтыми цветами, чередовались с бугорками, заросшими мелким кустарником, ольхой, ивой. Где заканчивалась трясина и начиналась река, отсюда сверху угадать было сложно; низкий берег Вёрды утопал в жёлто-зелёном коридоре камыша и осоки. На противоположном берегу, который спускался к реке отлогими уступами, начинались луга. Одинокие копёнки жались ближе к левому краю равнины, а большая часть разнотравья стояла нетронутой.

По краю луга с правой стороны угадывалась дорога, один конец которой обрывался у реки, а другой – терялся среди невысоких пологих пригорков с негустыми рощицами берез, сосен, дубов. И лишь только после этих взгорий начиналась ровная, как стол, степь – Дикое поле, а уж где-то там, совсем даже недалеко, был Дон и Елец. На колесах можно было перетаскивать струги из Дона в Волгу, а там, и до столицы Золотой Орды – Сарая, оставалось немного. Тогда, в годы своей молодости, бывал в ней Кирилл Афанасьевич с князем своим Михаилом Ярославовичем. Правда, тогда плыли они в стругах и насадах по Волге от Ростова. Путь длинный, но не такой утомительный.

Нынче же вот тут, у него под ногами лежала сакма, которой татарская Орда приходила на Русь. Этим же путем пользовались и купцы, которые направлялись в Царьград. Для них, как объяснял десятник, были во множестве поставлены, прямо за дорогой – ближе к речной переправе, избы. Невысокие срубы, которые возводились довольно часто, ибо татары их жгли постоянно, крылись соломой, сидели так низко, что казались вросшими в землю чуть ли не под самую стреху.

Теперь всё это – луга со стогами сена, река с болотами, земля с лесами, степь с дорогой, стали его вотчиной, вотчиной боярина и воеводы Кирилла Афанасьевича.

Вот уже и одна неделя миновала с того дня, как обосновался он со своим семейством на новом месте. До Александровского городища добирались целый день. Выезжали, когда солнце ещё не поднялось, а въезжали в подобие дубового кремника, когда на небе сияло ночное светило. Десятник Иван Чириков, распорядившийся конным отрядом сторожи, уже ведал о новом воеводе, а потому не удивился появлению большого поездного обоза из телег, возков и пещев.

Для начала обжития и поднятия стен крепости пронский князь Александр Михайлович дал своему боярину-воеводе, смердов и холопов числом сто. Одних для работ на пашне, других – для заготовки вековых деревьев.

Какой должна была встать новая крепость, обсуждали Кирилл Афанасьевич с князем самым доскональным образом. Тут ратный опыт боярина Кирилла оказался очень даже полезным.

С тем, что крепость над рекой должна быть таким размером, который может позволить сам холм, с этим сговорились сразу. Ещё предлагал Кирилл Афанасьевич одну сторону нового кремника, которая к полю обращена лицом, ставить каменной. На это пронский князь согласиться не захотел. Камня в тех краях не водилось, а на то, чтобы возить, времени не было. Пытался, было, новый воевода настаивать на своём, но Александр Михайлович резонно заметил:

– Давай первоначально поставим кремник из дубовых стен, а уж опосля, Бог даст, и камнем обложим.

Дубовые стены решили ставить числом две, а промеж них сыпать песок и землю, с наружи обмазывать глиной. Стена, таким образом, должна выйти в ширине один сажень. Высоту кремнику определяли никак не меньше шести сажень. Лишь при таком возвышении стен возможно было удачно отбиваться от многочисленных врагов. По углам крепости, так решили без споров, необходимо ставить башни. Ежели длина стены выйдет больше тридцати сажень, то тогда ещё одну башню следовало возвести по середине. То, что над въездными воротами должны стоять две башни, а не одна и вовсе обсуждению не подлежало.

Недолго рядили и о люде мастеровом. Были среди будущих посадских, которых набра-лось числом двадцать, плотники, кузнецы и один гончар. По мере того, как новый кремник станет расти, обещал пронский князь людей подсылать. К тому же, под команду нового воеводы были отряжены пятьдесят конных, дабы стоять им в поле в верстах сорока от наново возводимого городища сменной заставой. Те же из них, кому глянется жительство в новом краю, могли и себе ставить хоромы. Таких ратников князь разрешил наделять землёй и холопами.

Не хотел поначалу Кирилла Афанасьевич брать с собой в неведомый край жену свою Марию, двух младших сынов и дочь. Но глянула супружница на мужа кротким взглядом, погладила по руке, и сердце боярина растаяло. Вместе, если Бог тому попустит, и смерть не страшна. Потом же, и там, у Дикого поля, люди живут, а значит и она с детьми сможет. Тем более что сыны уже все в силу вошли, отцу помощники достойные. Что старший Стефан, то и самый младший Петр – давно уже на конях скачут, саблей и копьём владеют не хуже любых опытных ратников. Что же касаемо Варфоломея, то глядишь, Бог даст, и он в новых условиях себя найдёт. Словом тихим, взглядом нежным и уговорила боярыня мужа, а тот и поддался.

Когда объявили всем домочадцам о решении главы, то вдруг выяснилось, что Стефан из Пронска ехать-то и не стремится. Из Рязани уезжал с тяжелым сердцем, а уж из Пронска и вовсе запротивился. Мать начала догадываться о сердечной склонности старшего сына ещё тогда, когда стояли постоем на дворе вдовой боярыни Анастасии. Да и как тут было не додуматься, ежели Стефан от тринадцатилетней Аннушки не отходил ни на шаг.

– Когда мы сами гонимые и не знаем своей собственной судьбы наперёд, то и как же возможем чужую жизнь в зависимость от нашей ставить, – так сказывала боярыня Мария Стефану, и тем смогла убедить сына.

Теперь же, когда проявлялась ясность, то высказал Стефан твёрдое желание жениться на Анне. Мать с отцом порешали – порешали, да и согласились: счастье, оно в любви и согласии, но не в богатстве, а потому надо сватать. О том Стефану и сказали, а он с первой оказией отправил грамотку на двор боярыни Анастасии. Там же в Пронске и ответ получить успели. Не против вдовая боярыня отдать дочь свою за старшего сына Кириллы Афанасьевича, одна лишь беда – приданого за Анной нет. К тому же, какой-то неистовый отряд ордынцев с Мещеры залетел, да опять бед много наделал: что было последнего и то погорело. Так что живут они нынче на пепелище, а потому ежели не пугает такая невеста Варницких, то пускай приезжают, да и берут. Стефан отцу с матерью в ноги кинулся и молил их снова в Рязань ехать. Ну а так как година выдалась лихой, то дело обошлось без длинных разговоров и свадебного пира. Посидели молодые на черном пепелище, сходили в соборную церковь, да и поехали в Пронск.

Вот по причине той, что не мог противостоять уговорам любимой жены боярин Кирилла Афанасьевич, то перебрались они на жительство в Александровское городище всем своим возросшим семейством. Усадьба в старом кремнике для воеводы стояла пустой и в ней, хоть с великим трудом, но вместились новые владетели и челядь их.

Пока Мария с двумя Аннами и двумя младшими сынами занималась обустройством, новый воевода с сыном и десятником объезжали владения, которые должны были отойти в надел боярину Кириллу Афанасьевичу. Продираясь по мало приметным тропам вдоль речки, поднялись к селищу Верхдерев. Спрятанное в глубине лесной чащобы, оно вместило в себя около двадцати дворов, в коих проживало двести шестнадцать душ. Об этом поведал староста

Василий, избранный миром для слежения за порядком. Каким манером обитатели прознали о приближении Кирилла Афанасьевича, того даже десятник не ведал, но встречали их всем обществом. На опушке леса, от которой до селища было рукой подать, собрались и стар, и млад. Глядели на нового воеводу с опасением, но кланялись усердно. Староста общины и иерей Леонтий повели приехавших важных особ в самую большую избу, где уже был накрыт стол. Пока Кирилл Афанасьевич со Стефаном и десятником Иваном Чириковым пили-ели, разговор шёл о делах не особо значащих. Это уже потом, когда по желанию Кирилла Афанасьевича вновь вышли во двор, то речь зашла о делах, волнующих всех без исключения членов общины.

– Оставят ли лесные, луговые и речные уголья за миром? Будет ли положен каковой новый оброк, али воевода разрешит платить по-старому? Куда следует нынче привозить рожь, мед, меха, и рыбу? Восхочет ли новый владетель добавить каковые другие повинности? – задавал, и довольно быстро, вопросы Василий.

И много ещё чего поспрошал у Кирилла Афанасьевича выборный староста. Но прежде, чем давать ответы, воевода обошёл все двory, заходил в избы, смотрел в пристройки. Смерды жили не особо богато, но той бедности, что повидал боярин под Рязанью, не было. У многих было не по одной корове, свиньи с поросятами, паслись овцы. Удивительным для боярина Кириллы Афанасьевича показалось то, что не видать кур.

– С ними одна беда, – ответствовал староста Василий. – То ласка душит, то лисы таскают, то тетеревятник бьёт. К тому ж, петух, это первый изменник. Другой раз орать принимается, так его татарва за десять вёрст слышит. Вот и перевели их от греха подальше.

Спросил воевода об урожаях:

– Много ли собираете зерна?

– Родит земля, слава Богу! Одна незадача, настолько ртов маловато его. А вот на Дикое поле, хоть и пашня там богатая, выходить страшимся. Как татарин пшеничку али рожь заприметит, так начнет рыскать в окрест, да всенепременно тогда и выйдет на селище. Вот и таимся. По лесным полянам сеем, да помалу корчуем дерева, а на более у нас силы не достаёт.

От зернового оброка боярин Кирилл общество освободил. Сказал, чтобы семена копили на следующую весну. Когда поставят новую крепость у Красного городка, то станут давать надель в трех верстах от неё, где будет защита от Дикого поля.

Староста Василий будто и не удивился такому известию, но воеводу благодарил и сказал:

– Что же, то дело доброе. Ежели хлебопашца от мира отрывать не станут, то желающих выезжать в поле на сезонность найдётся предостаточно.

Еще новый воевода освободил мир от пушного оброка на один год. Разрешил менять соболей и лисиц у проезжающих гостей на кому что в хозяйстве потребное. Однако же, на этот год увеличил рыбную дань и по мёду оброк; прибывших холопов и мастеровых, занятых на крепости, требовалось кормить усердно. Такое постановление старосте показалось не обременительным, и даже крайне выгодным, а потому он дал согласие с лёгким сердцем. Тем более, что боярин Кирилла Афанасьевич разрешил бортничество и рыбалку на своих отдаленных пока ещё пустующих угольях.

Спросил воевода у старосты и мужиков для рубки дубов, обещая за таких не брать с мира оброка за целых два года.

И это показалось зрителю порядка любым, но без общества такого обещания он дать не мог, за что у боярина испросил прощения.

– Вот повезем через пять дён провизию в новый детинец, тогда и ответ скажем. Уж не обессудь за таковые слова, – сказал староста Василий.

Когда уже ехали обратной дорогой, то довелось боярину Кириллу Афанасьевичу увидеть птицу чудную, доселе им не виданную. Тихо скользя над речной гладью, летела громадина с крылами, чуть ли не в сажень. Потом вдруг, подломив хвост, устремила к воде, ударила

когтистыми лапами по гладкой поверхности и выхватила большую рыбину. Два резких взмаха, и взвившись, птица скрылась в лесной чаще.

Десятник Иван Чириков, по прозвищу Вислый, жил в здешних краях уже давно. Ещё двенадцатилетним отроком, оставшись после татарского набега сиротой, прибился он к Красному городку и попал к сторожу, которая несла дозор на Диком Поле. Сначала он смотрел за лошадьми, а когда малость подрос, стал ходить дозорным в степь. И надо было такому случиться, что в первом же своем карауле наткнулись они на татарскую рать, что шла на Пронск с Рязанью. Вёл то войско ордынский князь Елторай. Вот тогда Чириков своё прозвище – Вислый, и заработал. Почти всю сторожу, которая несла службу, татары побили. Остались лишь десятник – Никита Моховой, его помощник – Пётр Прищура, да Ванька. Татарская стрела попала отроку в плечо, а потому, потеряв поводья, вцепился тот в гриву кобылы, которая его и вынесла. Когда трое дозорных оторвались от татар, да в чаще укрылись, отрок едва висел на конской шее. С тех пор и осталось за ним Вислый да Вислый. Время шло, Иван окреп, стал уже сам водить десятку дозорных в Дикое поле, проживая там по два-три, а то и более месяцев. Не заметил Иван Чириков как годы ушли. Своей семьёй обзавелся лишь только тогда, когда перевалило за сорок годов. Сошёлся с вдовой из Секиринских починок, успел нажать двух дочерей, которых вместе со своей женой перевёз в Александровское городище. Чтобы перебраться в какие другие места, Иван Чириков не помышлял. С одной стороны, он уже не мог представить своей жизни вне Дикого Поля. С другой стороны, полюбились ему эти места, про которые знал множество всяческих чудных историй.

– Кабы обучен был грамоте, то обязательно память об сих местах сохранил, – не раз говорил своей жене Иван, любивший при любом удобном случае, ведомые ему байки пересказывать.

Знал Вислый, и очень даже хорошо, про всех здешних обитателей лесов и рек. Ведал повадки зверья и птиц. Не раз доводилось видеть ему рыбную ловлю речного охотника, а потому с превеликим удовольствием принялся сказывать.

– Птицу, что видывали, тутошние обитатели прозывают ломихвостом. Энта, каковая нынче пролетела, ещё мала. А вот бывают таковые, что крылами избу покрыть возмогут. Через величину таковую необыкновенную, плетут про ломихвоста не бог весть что. Родители для острастки страшат энтной птицей малых детей. Хотя впрямь, имеются и самые настоящие дурни, кои взаправду помышляют, что та питается человеческим младым мясом. Токмо всё сие враки. Мне доподлинно известно, так как слышал я от старых людей, каковые жительствоваали здесь ещё до верходеревцев, что сия птица питается лишь единственно рыбой. Было дело, не верилось мне, да сам не один год из засады выслеживал.

И поведал Иван Чириков отцу с сыном, как ранней весной, поздней осенью и зимой, в дождь, снег и стужу, хоронился он в ветвях высоких деревьев где-нибудь рядом с гнездом и отслеживал, какую добычу приносит ломихвост. Столько перевидал разной рыбы, какую птица приносила своим птенцам и сама склевывала, что хватило бы жителям Верходрева на одну голодную зиму. При силе своей добывал ломихвост в иные дни и сома, и щуку, и голавля до одного пуда весом. Но ни единого раза не видал Вислый, чтобы ломихвост питался, чем другим. Потому и имел твердую веру десятник к словам старых людей, которые птицу считали оберегом своего древнего рода. А еще прознал Иван Чириков, что настоящее имя у птицы не ломихвост, а скопа.

Охота невиданной птицы потрясла Стефана до глубины души. Когда же он услышал рассказ десятника, то и совсем предался длительным раздумьям. Только когда возвращались и до городища оставалось совсем немного, старший сын спросил у отца:

– Отец, как ты мыслишь, может статься нам уж следует поискать новое прозвание для крепости, каковую ставить намереваемся.

– Вот уж чем моя голова ещё не болела, – улыбнувшись, ответил Кирилл Афанасьевич. – Надобно сперва возвести, а уж затем думам предаваться.

– А отчего бы нам не наречь её Скопой!? – спросил Стефан и, глянув на улыбнувшегося десятника, сделался пунцовым словно отрок.

– А ты, Иван, как мнишь? – спросил у Чирикова воевода.

Не переставая улыбаться, старый вояка отозвался:

– Что же, птица красивая и отважная, к тому же уже пребывала оберегом в здешних краях, а следственно и нам подмогой может обернуться. Да и крепость звучать будет мужественно. Скопа! Доброе прозвание.

– Ну и пребывать посему, – добродушно произнёс боярин Кирилл Афанасьевич.

Глава пятая

В глубь лесной чащобы, вдоль звонкого ручья, впадавшего в Вёрду, вел Иван Чириков воеводу с сыном по ведомым лишь ему тропам к займке старого Демьяна. Сначала ехали верхом, потом пришлось спешиться и вести коней в повод, а уж под конец, оставив лошадей на поляне, и вовсе шли своим ходом.

– Не зря мы ладим побезжку, Кирилла Афанасьевич, не сумлевайся. Повидаете чудо дивное, кое в наших местах, да почитай по всему княжеству Рязанскому не сыскать.

От малой лесной прогалины, где оставили коней, до избы Демьяна оставалось пол версты, а потому Вислый успел досказать отцу с сыном про одинокого старца, жившего в лесу безвыходно.

Попал Демьянка в татарский полон совсем ещё ребятёнком, не достигнув даже отроческого возраста. Привезли его в Орду, и продали на невольническом рынке. Мать мальчишки тож продали на том же рынке, но другому хозяину и увезли неведомо куда. Отца же убили ещё раньше. А купил мальчонку гончарных дел мастер, которому требовался подсобник для приготовления глины и другой хозяйской службы. Так как за Демьянку просили мало, а гляделся он не по годам рослым, то и прельстился на него горшечник. Тот гончар, что купил мальчишку, сам был из греческой стороны, но сидел уж не один год в Сарае со всею своей семьёй по собственному желанию. Так как шла у него здесь добрая торговля, то труда было много и работать мальцу приходилось с утра и до поздней ночи. Но при всём при том грек оказался не злым, и обращался с Демьянкой по-доброму. Одиному существу многого не надо. Сказали ему ласковое слово, дали одёжу справную, кормили, не отделяя от своих родных детей, вот и привязался Демьянка к семье гончарника очень быстро. В делах был оголец расторопен, науку схватывал быстро, через другой месяц говорил отдельные слова, а уж за единое лето и вовсе язык перенял. И не только по-татарски, но и по-гречески выучился говорить. Ту же сообразительность проявил мальчонка и по гончарству. Помимо урока производить разные глиняные смеси, а для каждой домашней утвари требовалось свой замес, выучился он круг крутить, а на нём разные кувшины, банки, чашки-миски вытягивать. Дивился старый грек такой проворности, хвалил Демьянку и совсем к нему душой прикипел. Однако, когда гончар помер, то брат его, который в деле горшечном смыслил мало, мастерскую закрыл, а уже подросткового Демьянку за долги забрал и отправил на свою родину – в Грецию. И там отроку пришлось гончарством заниматься, только уже совсем не таким, коему у старого греческого горшечника выучился. Да и отношение к нему было – не как у первого хозяина. Хоть и работал так же – денно и ночью, но кормили плохо. Помимо горшков, приспособили его к возведению домов, кои были не только из глины, но и каменные. Отдыха в ту пору Демьянка не знал вовсе. В новом для себя деле, отрок оказался таким же спорым, как и в до прежнем. Через год-другой, хозяин его препоручил ему артель таких же невольников, как и сам Демьян, кои творили жилища в самых богатых городских кварталах.

Как-то выпал случай Демьяну, уже вошедшему в двадцатилетие, возводить дом для одного знатного вельможи. По вечерней поре, а артельники от постройки не отходили пока не довершали её и кровлей хитромудрой не закрывали, лепил глиняные свистульки, кои ещё у грека выучился. Налепил разных невиданных мелких зверушек и, представляя разный птичий свист, тем хозяйских детей забавлял. Вельможа тот, увидев такое умение, учинил Демьяну спрос, что тот ещё может. Демьян сказывал. А так как у того вельможи ещё и гончарня своя имелась, повёл туда парня.

Когда же Демьянка единым махом из куска глины сосуд винный вытянул в добрых две ведерные ёмкости, тут уж не только вельможа дивился, но и опытные мастера. Они такую посудину из двух кусков могли лишь составить.

Пошёл вельможа к хозяину Демьянки, да и выкупил того за большие деньги. А потом парню обещанье дал, что как тот те деньги отработаем, так даст он ему вольную. Трудился Демьянка на вельможу долго. Других учил, сам ещё большему учился. Оженился в тех краях, а так как девка, кою за себя брал, была рабыней того же вельможи, то жить им разрешили одним домом. Когда Демьян уже совсем возрос в мастерстве и денег имел в достатке, то себя и жену с сыном выкупил. Упрашивал его вельможа остаться в краях тех навсегда и даже предлагал в дар гончарную мастерскую. Одно лишь условие ставил, чтобы Демьянка все изделия какие собственноручно производил, только ему одному продавал. Но уж больно сильно хотелось повзрослевшему Демьяну попасть на родную сторону, где надеялся сыскать кого из родни. Была у него и тайная надежда: повстречаться хоть единый раз по божьему соизволению с матерью своей. Вот потому-то от теплого житья на родную сторону и собрались. Но когда ехал Демьян со всем своим семейством, то угодил на татарский разъезд и сызнова очутился в полоне. С женой и сыном его попытались разлучить, а когда за них вступался, то самого саблями посекали. Думая, что мужик уж не выживет, бросили его поганые в степи на съедение волкам. Но Демьян был телом и духом силен, люди добрые помогли, и он оклемался. Потом уже, через какое-то время вышел к Елецкому княжеству, а оттуда добрался до родной стороны.

Тепереча, когда ему уже под шестьдесят годов, живёт Демьян в глубине леса, от всякого люда вдалеке. За то, что лепит он различные нелепые безделушки и по деревням их разносит, то слывет он среди люда за юродивого. А за то, что Демьян не обзавёлся семьей, живёт без супружницы и за свои поделки денег не спрашивает, многие бабы почитают его за святого, который разные женские болезни своими амулетами вылечивает. Вот потому-то как в какую избу не глянешь, то в одной, то в другой поделки старого Демьяна завсегда сыскать можно. Кувшин ли глиняный чудной в виде птицы заморской. Посудница витая, кою не стыдно в боярской трапезной на столе иметь. А иная женка демьяновские амулеты на груди с другими украшениями носит. Что же касасямо никчемных зверушечьих свистулек, то такого добра у каждого ребятёнка в округе имеется не по одной штуке. Дуют в хвост какой-нибудь диковинной птице, а из той вода со свистом брызжет в разные стороны, тем детвора и забавляется.

Домик, какой стоял на лесной прогалине для пашенных нужд мало пригодной, сразу бросился в глаза Кириллу Афанасьевичу своей дивностью. По этой причине ничего другого вокруг него поначалу не приметил.

А удивила боярина в первый черёд крыша, крытая не разобрать чем. И была кровля маленького дворца, а простой избой жильё Демьяна даже в мыслях своих боярин Кирилл не мог назвать – так хорошо смотрелось строение, ни соломенной, ни тесовой, и даже не из деревянных плашек, коими в больших городах ещё и дороги устилали перед князьими теремами. Крыша теремка блестела на солнце ярко-красным огнем, который отражался от чего-то блестящего, что даже глазам делось нестерпимо. Вот потому на какой-то миг подумалось воеводе, что сие есть или медь, или даже вызолоченное червонным золотом тесина. Но и сам же без подсказки понимал, что не может быть такого богатства у простого старого отшельника. Хоть своего восхищения Кирилла Афанасьевич не скрывал, но поглядев на лукаво улыбающегося десятника, со спросом обращаться не стал.

В следующий черёд уж дивился боярин на стены домика, которые были не из брёвен. Про кирпич Кирилла Афанасьевич и слышал, и видел его. В Полоцке, Суздале, Новгороде, да и в самом Ростове стояли церкви, возведённые из глиняных квадратов. Но там кирпич был белый, а стены домика, что стояли перед глазами, радовали своим многоцветием. По самому низу шли несколько красных рядов. За красными рядами следовали белые, но со встроенными в них синими цветами. И уж под самую крышу выходила, словно весенние небеса, голубая кайма.

Таковыми же блестящими плитками, что на крыше, но не красными, а черно-синими устился небольшой двор перед домиком. Но не весь целиком и не как попало, а в строгой опре-

делённой направленности. Вели те плитки от домика к неказистой после погляда на жильё, придомовой постройке. Но в отличие от виденных у смердов закутов, имевших одностворчатые двери, у пристройки Демьяна стояли ворота, да такие, что впору на телеге въезжать. От постройки шла такая же иссиня-черная дорожка за домик, а ещё к погребу, который в землю был врыт прямо перед резным крыльцом.

В отворенные створы постройки можно было разглядеть печь. Так как большая часть у неё сидела в земле, то огня воевода не видел. Но то, что она топиться угадывалось по сильному жару из ворот и по трубе, которая, пробив крышу, уходила высоко в небо и выпускала волны горячего воздуха.

Ещё поразился новый воевода, глаза которого разбегались от увиденного по разным сторонам, медведю, что сидел над построечными воротами. Разуметь разумел, что был тот игрушкой, но вот из дерева ли вырезанным или из глины слепленным, сообразить с простого погляда не мог. Не удержавшись, потянулся Кирилла Афанасьевич к чудной зверине и в руки взял. Только по тяжести забавного зверя понял, что не из дерева. Постучал перстнем и звук вышел звонкий и гулкий, как от пустого кувшина.

Вот на этот звук и выглянул из-за стены седой старец в белой рубахе, на которой были видны следы от глины. Гостям своим неожиданным хозяин не удивился, и позвал в дом. Как не хотелось воеводе вот так сразу с дивного подворья уходить, но пошёл вслед за сыном и десятников в стариковское жильё.

Глядя на дом снаружи, удивлялся Кирилла Афанасьевич, а внутри чудес оказалось ещё больше, чем на дворе успел разглядеть. В чистой горнице было тепло, светло и просторно. Такой свободы и широты в других хатах у смердов видеть Кириллу Афанасьевичу не доводилось. Попервоначалу не разобрался воевода, какая на то причина, но через кой-какое время сообразил, что нет в горнице печки. Как такое могло случиться, что тепло есть, а печки нет, боярин Кирилла не понимал, но сразу же расспрашивать про то посовестился.

Старый отшельник, в отличие от Вислого, разговорчивостью не отличался. Усадив своих гостей на лавку под образа, доставал жбан с квасом и кружки, ставил на стол. Что квасная банка, что крышка на ней, что питейные кружки – все были они леплены из глины. Причудливые узоры в виде зверей и птиц, сплетённых воедино, разных лесных и полевых растений, заставляли вглядываться в глиняную посуду с большим вниманием. Кружки были такого же цвета, что и жбан – темно-зеленого с синим отливом. По своей гладкости они напоминали круглую гальку-голыш, которая долгое время пролежала в быстром ручье. И так руке были приятна кружка на ощупь, что та сама её против воли постоянно оглаживала. Прав был десятник Иван Чириков когда говорил, что посуду, которую делает старый Демьян, не стыдно и в боярской трапезной иметь.

Лишь после того, как выпили не одну кружку терпкого кваса, и десятник успел поведать о другой близлежащей заимке, на которой жила семья, состоящая почти из одних баб и славившаяся тем, что разводила горностаев, спросил Кирилла Афанасьевич про тепло в горнице. Старый Демьян, живший по больше части в одиночестве, в речи был медлительным и на слова скуп. За всё то время, что сидели за столом, он не произнёс не единого слова. Услышав вопрос боярина, он молча подошёл к простенку и отёрнул холстину.

Небольшим выступом от кирпичной стены, выходила другая стенка, которая была выложена изразцовыми плитками. Может статься, что и не совсем такими, но печь боярина Кирилла в его варницком имение была обложена похожими изразцами. Вот тут до Кирилла Афанасьевича и дошло, что виденные им на крыше домика плитки и есть изразцы. Только те красные, а здесь тёмно-синего цвета, что дворовая плитка.

В этой тонкой изразцовой стенке имелась квадратная прорезь, похожая на бойницу в сторожевой башне. На полке в той прорези стояли разные горшки, и хорошо было видно, как в них закипает всяческий взвар. Не удержался боярин Кирилл, поднялся с места и подошёл к стенке.

Но лишь едва притронулся рукой, как тут же отдернул и замотал; изразцы оказались огненно-горячими. Старец беззвучно засмеялся.

– Легче надобно, а то недолго и обвариться, – произнёс он, и это были его первые слова за всё время.

– Как же такое может быть? – подивился Кирилла Афанасьевич. – Разумею, что печь, но огня не вижу, топки для дров нет. Может статья в подвале она стоит или снаружи дома дрова забрасываются?

– А ты сбоку глянь, – посоветовал старый Демьян и больше отодвинул холстину.

Оказалось, что уступ из плит, отстоит от стенки дома всего на пол локтя, и сам имеет ширину два локтя в боковине. Сбоку уступа углядел боярин два отверстия: в одном горели дрова, а самый низ пустым стоял. Зачем такое приспособление потребно, воевода понять не мог, а потому снова спросил.

Хоть и продолжал старый Демьян хранить молчание, но было видно, что интерес боярина к его домовнице ему люб. Взяв длинную лучину, старец запалил её от огня и поднёс к нижнему отверстию. Тут же язык пламени вытянулся и устремился вглубь.

– Огонь дух любит, а потому от низу его отрывать надобно, и воздух подпускать, – охотно стал пояснять он. И уже не дожидаясь новых вопросов, сам стал показывать.

– Хоть топка маленькая, но на один раз дров помещается охапка. Над ними имается бронна, али жалезна плита, закрытая глинным слоем. Она быстро греется, и легче тепло отдаёт, а потому на ей всё вмиг взваривается. Так как огню есть ход на двор через боковую трубу, то дыма-гари в горнице нет. Дабы теплу не быстро уходить, ход не прямой, а с коленами. Одно, на углу поворота имается, другое колено ищо на другом углу, ну а конечное, перед самой трубой, что на двор идёт.

Старик указал в проём между стенами. Небольшой короб, входивший в кирпичную стену, со всех сторон был обмазан глиной, но не обычной, а кубовой красно-оранжевого цвета.

Долго потом ещё пытал старика боярин Кирилл, об устройстве плоской домовницы. Как и из какого кирпича сделана? Почему такие изразцы, что на печки, уложены и на крышу? Или может статья, те плитки, кои на крыше и во дворе совсем другие? Возможен ли малая домовница такое же тепло давать в лютую зиму, что и большая печь? Много ли камня надобно было Демьяну под её низ уложить, прежде чем ставить?

Десятник все стариковские чудеса уже давно видел, особо ничему не удивлялся, а потому остался сидеть в горнице перед хмельным мёдом, который достал подобрешший хозяин. Новый воевода с сыном пошли за старым Демьяном в придомовую пристройку, где размещалась мастерская.

Как и предполагал Кирилла Афанасьевич, уличная печь была размера просто огромного. Уходила она в землю на полтора аршина в глубину, по ширине равнялась двум, и подпирала протолку плоской лежанкой. В огромном чреве, которое всё ещё испускало жар, стояли различные лепные штуки.

Видя искренний интерес со стороны знатного боярина, Демьян теперь говорил охотно. Объяснял, что и как следует подсушивать, прежде чем в огне обжигать. Рассказывал, как следует готовить древесный уголь, который жара даёт много больше, чем просто дрова. Для того чтобы домашняя утварь обладала высокой прочностью и в ней можно было приготавливать на огне без всякой боязни – хоть похлебку, хоть взвар, необходим добрый обжиг. Вот потому-то и необходимо, чтобы печь горела и день, и ночь, и ещё день, а для сего дела требуется много древесных угольев.

Показал старый Демьян и то, как делаются плитки для крыши, для двора и те, которыми печь обкладывается. А ещё лежали в небольшом количестве у старого Демьяна разноцветные кирпичи. Когда же Кирилл Афанасьевич стал выпрашивать, каким образом достигается нужный цвет, то старец вдруг сделался вновь малоразговорчивым.

– Сие лишь моё раскрытие, а потому надлежит ему пребывать до времени тайной, – вымолвил он.

Смысл произнесённого Демьяном воеводе показался не очень понятным, но, разумея причуды стариков, особо настаивать, не стал. В свою же очередь подумалось Кириллу Афанасьевичу из кирпичей, но охватом поболее, возводить башни сторожевые, а ещё лучше стены. Об том и речь повел.

– В этих краях с гранитным камнем плохо. Мне даже разумеется, что его и вовсе нет. А потому мыслю я попытать башни и стену одну возвести кирпичные. Вот единственно сомневаюсь я в его крепости. Выдержат ли таковая стена удара таранного? – спросил воевода.

Старик с подозрением глянул на боярина, но так как тот не пытался выведать про цвет кирпичей, ответил:

– Коли по камню с силой бить, тот тоже рассыпается. Для крепости надобно творить кирпич на два, а то и три раза поболее обычного. И на обжиге не беречься с углями, и выдерживать в печи в два раза дольше. Тогда они и сделаются, что твой камень, и в прочность ему ни на волос не уступят.

Видя, что воевода в сомнении качает головой, Демьян поставил с пяток лежавших на полу разноцветных кирпичей и протянул боярину кочергу.

– Ну-кась, покажи свою силушку, – с легкой усмешкой проговорил он.

Первый раз ударил Кирилл Афанасьевич не то чтобы в полную силу, но старательно. Звякнув, словно по железу, кочерга отскочила, не оставив на гладкой поверхности даже царапины. Второй раз воевода ударил со всего замаха и сознательно целил в край синего кирпича. Цокнув, словно подкова по гранитному камню, кочерга лишь ожгла ладонь боярина, а кирпич остался целым.

– Ты, детинушка, бей так, как бы по ворогу колотил, а ещё с думой, что сие есть проверка прочности будущего кремника, – весело проговорил старик, довольный своей работой.

Теперь Кирилла Афанасьевич бил со всего маху, сил своих не жалея. Но и все равно, блестящая поверхность демьяновских кирпичей оставалась без видимых повреждений. Потом Стефан, испросив дозволения у старика и отца, взялся за железный прут. Но сколько не пытался, разбить ему составленных кирпичей не удалось.

– В землях греческих и других, давно таковые прочные хоромы ставят из глиняных обожжённых кирпичей, но там оне белые бывают, а таковых цветных, как у меня, нет. А всё потому, что в наших краях глины, не чета заморским, и в таком достатке имеются, что не одну крепость возвести можно. Единственная незадача содержится в том, что нужных печей, дабы выделывать кирпича во множестве, в помине нет. Но коли будет желание боярина, и потребно для предохранения от ворога, то можно и люд выучить, и печей наставить. Для православной Руси старый Демьян готов расстараться и разумение о летах собственных выбросить из головы.

Глава шестая

Удивительным казалось Кириллу Афанасьевичу как быстро за крепостью, возводимой на горе вблизи Красного городка, установилось новое птичье название. Правда, именовали её не на лад, придуманный Стефаном, а по старой привычке: не Скопой, а Ломихвостом. Теперь уже не только среди мастеровых и дружинников ходило то прозвание, но уже и далеко по наделу разошлось. Куда бы ни ехал новый воевода – где пашни оглядывал, где лес строительный выбирал, везде уже про крепость наслышаны, и везде кличут её наименованием, придуманным Стефаном, но переименованный людом.

За те недолгие годы, что поселилось семейство Варницких в Александровском городище, а прошло их уже два, успел побывать боярин Кирилл Афанасьевич во всех больших и малых селищах и деревнях: Мшанка, Секирино, Клекотки, Купчая, Нагиши. Да и во многих починках, что стояли о двух избах без всякого названия, тоже понавещивался.

Про воеводу новой возведенной крепости слух скорый разошёлся. Так как исходило от него для смердов послабление, то очень многие восхотели на его земле сидеть да хлеб растить. Шли в надел боярина Кирилла не единственно одной семьёй, а переселялись неразделимым миром. К тем же Нагишам приросло за очень краткую пору сразу четыре селища, а потому старосте и пришлось именовать их в порядке прибывания – первые, вторые, третьи, четвертые и всё Нагиши. Смердам, котором не находилось дела в осенью пору на пашне – не каждому пока ещё достался надел для озимого сева, шли к достраиваемой крепости. При этом они говорили, что идут к Ломихвосту.

Пронскому князю Александру Михайловичу такое название тоже оказалось любимым. Видал он речного охотника не один раз, а потому, когда приезжал осматривать уже воздвигнутые башни и стены, нашёл много сходного с птицей и в самой постройке. Из-за неровности горы, стены получились похожими на крылья сокола, приготовившегося к нападению; отогнутыми на сторону пронскую, и обращённые остриём на сторону Дикого поля.

Мастерового люда, собравшегося в крепости, пребывало много, а потому работы шли скоро. Три остроконечные башни и две стены с наполья были готовы совершенно. Две сторожевых башни при воротах, стены и ров, по бокам близились к завершению. Лишь задние две стены оставались наполовину не подъятыми. Внутри крепости стояли уже готовыми постройки для хранения провизия, жилые избы для мастеровых и ратников, многие загоны для различного скота. Хоромы для воеводы тоже близились к окончанию. Бранил князь за такое нерадение к своим нуждам Кириллу Афанасьевича, но не с сердца. Понимал, что тот больше за дело, да люд служивый и мастеровой думает, нежели за себя, а потому такому не корыстолюбию радовался.

Потом Александр Михайлович самолично полез на самый верх сторожевых башен, где насчитал двадцать окон для различного боя. Не поленился князь смерить площадки и стены. Оказалась, что сторожевая башня в длину четыре сажени и поперёк столько же. Хоть и обговаривались они в своё время с воеводой на меньшую величину, но за такое усердие пронский князь лишь хвалил. Выходила сторожевая башня по своим размерам почти такую же, как построили и в самом Пронске.

Уезжал со своей полусотней дружинников князь из Ломихвоста полный торжествующих надежд; не ошибся он с выбором боярина Кирилла, а потому крепла его юго-западная окраина. О том и свидетельствовала почти готовая новая крепость.

Радовало Александра Михайловича и многолюдье нового удела, потому что теперь уже не надо было слать Кириллу Афанасьевичу смердов, холопов и другого народа. Одна лишь глубоко потаённая мысль беспокойной занозой сидела в душе у Александра Михайловича: как глянет на подобное возведение великий владимирский и московский князь Иван Данилович

и чего по этому поводу станет нашептывать он в Орде хану Узбеку? Чтобы опередить хитроподлого соседа и самому обсказать татарскому владыке свои помыслы, надумал пронский князь поехать в Сарай с выходом.

Боярин Кирилла Афанасьевич о княжеских распрях и усобицах особо много не думал, а память о ростовском жительстве уходила в далёкое прошлое. Жена с дочерью и сыновьями, поглощенная заботами нового существования тоже, как казалось боярину, горестным воспоминаниям особо не предавалась.

Стефан превратился в настоящего отцовского помощника и все дела по возведению крепости теперь вёл сам по себе. Умом и умением оказался он расположен ко многим ремёслам, а потому схватывал увиденное в одно мгновение. Старые мастеровые люди от такой расторопной хватки лишь восхищенно качали головами, и потому легко признавали его начальство. Тем более, что Стефан, при своих успехах и способностях, особой гордости не выказывал, а искал при каждом удобном случае советов у знающих людей. Была у Стефана и ещё одна забота – жена Анна. То, что между ними мир да лад, видно было каждому. Молодая жена старалась радовать мужа в каждой мелочи, и тот не оставался без ответа. Видя, как бережно прячет в рукаве старший сын неведомый полевой цвет, чтобы жене принести, Кирилла Афанасьевич лишь добродушно укрывал улыбку в усах своих. Что же, такое балование лишь на пользу будущему ребёнку, которого молодая женщина уже носила под сердцем.

Пётр, которому исполнилось двенадцать годов, разрывался между старшим братом и отцом. Любо ему было бегать по крепостным стенам, стоять на вершинах сторожевых башен, пугая мать свою Марию. А пуще того, любил он ездить с отцом по дальним селищам их нового надела и внимать наставлениям Кириллы Афанасьевича. Рассказывал отец младшему сыну, как выгоднее обрабатывать и засеивать пашню.

– Рожь любит много влаги, а потому сей её под зиму, быть тогда зерну налиту, тяжелу и урожаю богату, – говорил Кирилла Афанасьевич, проезжая мимо ржаного поля.

Пётр выспрашивал и про пшеницу.

– На кой её сеять, ежели зерна от неё много меньше ржаного? Может статься, надобно и её, как рожь, по осени сеять?

– Пшеница холодов боится, а потому может зимних месяцев не пережить. Вот посему и следует зерно пшеничное в нагретую землю по весне бросать. Хоть урожай не так богат, как со ржи, но зато калач белый из неё выходит. Каждый год поле пшеничное след менять с полем ржаным, и к тому же надо иметь ещё одно про запас, ничем не засеянное для отдыха. Вот тогда на доброй земле и при таком рачительстве смерд, холоп, мир селища всегда с зерном будет, а значит и оброк исправно выдаст.

Пётр слова отцовские в самое сердце брал, а потому уже сейчас было видно, что из него добрый и заботливый хозяин вырастет.

По-прежнему огорчал родителей средний сын – Варфоломей. Шёл ему четырнадцатый год, а всё не могли понять отец с матерью, куда же сердце его клонится. На крепость его не влекло. Хоть ратной науке выучился – и на коне ездил, из лука стрелял, копьё метал и саблей при случае мог отбиться, но видел боярин, что всё это от сильного принуждения, а не от души. Когда речь заходила о возведении хором, изб с печами или про труды на пашне, интерес Варфоломей выказывал, но без жилки хозяйской и личной выгоды. Проглядывалось в нём нехитрое любопытство, которое сводилось к познанию трудов созидательных и к постижению внутреннего движения природных сил у всяк твари сущей. Того уровня умения читать и писать, какими владел Стефан или даже Пётр, достичь Варфоломею так и не удалось. Бывало, уже и не один раз, даст ему мать псалтырь, так средний сын едва бредет по нему, а на первотрудном попавшемся слове споткнётся и вовсе остановится. Не только матери с отцом было заметно, но и всем домочадца, что тяготиться Варфоломей своими близкими. Довольно часто уходил отрок из дому. Бродил Варфоломей в окрестностях городища, уходил к реке, подолгу сидел

на берегу, глядя в прозрачную речную глубь. Не один раз забирался на вершину горы, где ещё оставалась не сведенной вековая дубрава, и стоял часами, напряженно оборотив лицо своё в сторону южную, словно оттуда весть должен был какую увидеть и услышать. В той стороне, в какую подолгу глядел Варфоломей, находилось Дмитровское селище.

Большим то поселение назвать было нельзя, так как жило там всего около сорока смердов, управляемых старостой Есеем. Стояло оно, как и Александровское городище, рядом с Вёрдой. Когда боярин Кирилл Афанасьевич осматривал тамошние пашни и уголья, то одно обстоятельство показалось ему весьма странным: почему избы, числом пять, находились на низком затопляемом берегу, а не на высоком, у подножья Дмитровой горы? Спросил тогда у старосты, но тот лишь плечами жал, смущённо pokrякивал, да говорил что-то невнятное, сбивчиво отвечивал про запрет далёких предков.

Подумалось тогда Кириллу Афанасьевичу, что мировой старшина опился пива хмельного, а потому так путано слова выговаривает. В тот раз недолго пребывал воевода в Дмитровских починках, которые по чьему-то недогляду прозвали селищем. Когда же уезжал, то очень жалел, что раньше про Дмитровскую гору ничего не ведал. Виделась ему на этом высоком месте крепость грознее, чем выходила у Красного городка, а потому думалось о новом возведении. До Дмитровского селища было десять верст и там тоже не мешало бы иметь надёжный кремник, как оберег для окрестных смердов и ещё одно надёжное прикрытие пронской стороны.

Об этом воевода сказывал князю Александру Михайловичу. Да ещё порассказал о лесном отшельнике Демьяне, который чудным искусством владеет и, окромя посуды дивной, производит глиняные кирпичи невероятной прочности, которые для постройки крепости лучше дубовых бревен сгодиться могут. Показывал Кирилл Афанасьевич пронскому князю того потешного медведя, какого старый Демьян передал в дар для Стефановой женки. В отличие от зверя, что сидел на воротах домовой пристройке у Демьяна, этот косолапый мордой был совсем не злобной и веселой; с широко разинутой улыбочивой пастью сидел медведь и на гуслях играл. Потом показывал кирпичи. Теперь уже засомневавшийся пронский князь их твердость пробовал. Бил, как и в своё время Кирилл Афанасьевич лупил, со всего размаха и сил не жалея. Испытанием остался доволен.

Воевода и о своих подсчётах доложил. Не один день высчитывал Кирилл Афанасьевич, сколько кирпича понадобится, ежели делать его охватом локоть на локоть. Князь Александр Михайлович, подивившись деловитости боярина, препятствий чинить, не стал и даже сулил изыскать кое-каких денег.

– Уменья тебе не занимать. Возводи, воевода, ещё крепость, но до времени разговора боле ни с кем об том не веди. Коли проведает о сем Иван Коротопол взбелениться пуще прежнего, и к великому владимирскому и московскому князю с жалобой упадёт, – сказал он.

Вот почему, когда возведение крепости и городища Ломихвост близилось к своему окончанию, больше думал Кирилл Афанасьевич о Дмитровской горе и о новой постройке, но в мысли свои никого не посвящал. Даже жене сказал, что собирается в Дмитровское лишь по делам хозяйственным, а потому и сыну Стефану отказал в поездке.

Однако, когда Варфоломей прознал, что отец с десятником Иваном Чириковым собирается вновь в селище около высокой горы, то стал страстно просить взять его с собой. Так как до сих пор средний сын не высказывал никаких желаний, то такая горячность удивила мать, а отца даже порадовала.

В хмурое осеннее утро, когда светать начинает так поздно, что успевают заболеть бока от пустого лежания, выехали из новой крепости. Ломихвост, который особенно старательно принялись обживать с наступлением сильных ночных холодов, нуждался в работниках, а потому лишних людей брать с собой не стали. Так как путь до селища было не далеким, то решились ехать втроем. К тому же, верный помощник воеводы десятник Иван Чириков доносил, что татар поблизости невидны.

Десять вёрст, которые требовалось преодолеть, ушли под копыта коней незамеченными и всё благодаря Вислomu. Пожилой воин говорил всю дорогу безостановочно, а так как вещал он складно и лучше любого сказителя, то слушать его было в удовольствие и Кириллу Афанасьевичу и Варфоломею.

Первое, о чём поведал десятник отцу с сыном – это о различных названиях в той стороне. Почему то или иное селище, речка или болото прозывается тем или иным именем. Новому вотчиннику и самому давно было любопытно, почему рядом с Дмитровским селищем топь называется Чулковой, а теперь вот случай и представился. Иван Чириков рассказывал:

– Ордынцы хоть уже и прознали о путях на Русь и Москву через Дикое поле, Пронск, Рязань, но из-за большого числа воинов в туменах одной проторенной сакмой двигаться не могли. Для того чтобы продвигаться большим и широким валом, требовалось узнавать и другие пути-дороги. Когда ордынский князь Елторайка задумал на Рязань быстрым наскоком наскочить, то послал впереди себя доглядатых, выраженных по большей части в купцов. Только настрадавшийся от татар простой люд, давно уже стал приметливым, а потому тех поддельных торговцев узрел сразу. Вот потому, когда сказывали смерды о коротких путях к Рязани, то указали на топь, что раскинулась между Вёрдой и Брусной. На том болоте умудрялись ходить лишь одни козы, и звалось она среди местного населения Козым. Ежели туда кому спьяну забредать доводилось, то обратно уже таковой бедолага не выбирался, тонул. Одно слово – топь. Купцы те ложные, как проведали, что вроде имеется ещё одна сакма, так сразу же обратно поскакали и об том доложили Елторайке. Ордынцы на радостях, что внезапно на Рязани могут объявиться и помчались во весь опор. С Дмитровского селища, смерды не будь дураки, загодя ушли, а вот в нескольких других починках, стоявших в отдалении, замешкались. За свою самонадеянность и поплатились: многих там мужиков посекали, баб и детишек в полон похватили. Елторайка же, как скакал со своим туменом, так со всего ходу и увяз в болоте. Немало там татар, нахлебавшись вонючей жижи, потонуло. Коням, коих совсем погубили, а коих без ног оставили, тоже счету не было. А вот ордынского князя Елторайку вытянуть-таки успели. Выволокли его на сухое место без всего, в одном исподнем, а порты с чулками басурманскими в топи на веки вечные остались. С тех пор Козье болото, без того поганое, а после татарского потопления и вовсе изгаженного, стали прозывать Чулковым, и вместе с ним починок, стоящий возле него, тоже прозвали тем же именем – Чулково. Другой же починок, где мужиков посекали без счета, стал именоваться Секириным.

Когда до Дмитровского селища оставалось совсем немного, то спросил Кирилл Афанасьевич у десятника про странное поведение тамошних смердов и старосту ихнего.

– Давно меня интересует, Иван, почему люд сей каждую весну предпочитает мокнуть, но не переселяется на гору? – спросил воевода.

Ещё минуту назад говоривший без умолку Чириков-Вислый, сделался сразу сумрачным, совсем непохожим на себя.

– Вести сказ про то, значит на себя беду кликать, – лишь вымолвил он сдавленным голосом.

Варфоломей, ехавший вслед за отцом и за всю дорогу не проронивший ни слова, неожиданно проговорил:

– От той горы, каковая среди людей прозывается Дмитровской, никому беды быть не может.

– Как же быть не может, ежели маковка на ней, в кое-какую пору посвечивает, а в иную и вовсе возгорает!? – вырвалось у пожилого десятника.

Воеводу это известие сильно заинтересовало, а потому он спросил у Ивана Чирикова:

– Как таковое возможно, дабы маковка горы возгораться могла?

– Вести сказ про то, лишь горести потворствовать, – упрямо повторил десятник, и хотел отъехать от воеводы, но тот перегородил ему тропу.

– Тебе доводилось зреть, как та гора светится? – не отставал Кирилл Афанасьевич.
– Ох, да не пытай ты меня, боярин, сказываю же тебе, коли продолжать об том сказ, то быть беде.

– А дмитровские про горение ведают? – спросил воевода.

– Как же им не ведать, коли рядом живут, – совсем уже тихо произнёс десятник.

Поняв, что от Вислого ему сути не добиться, воевода решил поменять разговор.

– Ведаешь ли ты, десятник Иван, каковая недоимка за сим селищем?! – спросил Кирилла Афанасьевич.

– Про оброк, каковой до сей поры не привезён, дознание уже учинялось. Молвить, что сея недоимка слишком велика, невозможно. Содеялась она вследствие прихода в селище четверки новых семейств. Староста уж допытывал, заказано ли зерно попридержать до последующего урожая. Тебя, боярин, не очутилось на наделе, а затем, как-то и позабылось вовсе. Мне же отчего-то мыслилось, что отряжались мы в Дмитровское совсем по иной надобности. А разве не так?

– Так то оно так, но коли мы здесь, то почему бы нам одним разом и с оброком не постановить?

– Что же, можно и про сею тяжбу помыслить, – согласился десятник.

– А люда в прибывших семьях много?

– Как мировой староста доложил, почти три десятка душ прибыло. Земли под пахоту им покудова нету, но избы уж определили справные.

– Мужиков, пригодных для ополчения и ратной службы, сколь?

– Ежели брать в расчёт и тех, кому под сороковник, то двадцать душ.

– Что же, даже вовсе не худо. Ежели их выучить, то и крепость оборонить возмогут.

– О чём это ты, Кирилла Афанасьевич? – настороженно поинтересовался десятник.

– Слушая твой сказ про трясины непроходимую, помыслилось мне. Хорошо бы на Дмитровской горе, да под защитой топи, определить крепость, дабы лучше и могучее Ломихоста вышла. А как поставим, так ратные люди и понадобятся.

Иван Чириков, какой ехал бледным, и совсем с лица сошёл.

– Замыслил ты, Кирилла Афанасьевич, дело, каковое поднять никому не получиться. Не сыскать тебе в здешних наделах смерда, каковой бы на сей горе житье-бытье согласился, а тем более кремник ставить.

– Это что же, про горение вершины, и во всей округе ведают? – удивленным голосом поинтересовался воевода.

– Ох, Кирилла Афанасьевич, доведёт весь твой спрос до немалой беды. Богом прошу, не пытай ты меня. Мыслю я, что на себя бедствие накликаешь, и на меня нагонишь, – вновь повторил десятник.

– Да что же такового особенного в сей горе, что и молвить-то, о ней заказано?! – ещё больше удивился Кирилл Афанасьевич.

Чириков-Вислый лишь отрицательно помотал головой, не произнеся при этом ни единого слова.

– На самой вершине в келье живет безгрешный человек, подобный афонским святогорцам. Фаворский свет тому старцу ведом, а безмятежность жизни старца стережётся небесным огнем. Вот по такому случаю и опасается туда делать ход люд простой, – словно находясь во сне, проговорил Варфоломей.

Теперь уже и Иван Чириков, и Кирилла Афанасьевич смотрели на среднего сына воеводы с превеликим удивлением.

За три года до татарского нашествия на Русь случилось быть сильной грозе. Была та гроза, как после говаривали мужики и бабы, противоположенной естеству, и очень даже необычно-

венной. Прогрохотала она глубокой ночью и почему-то только над Дмитровской горой, куда и ударила ветвистая молния. После же страшного грохота с вершины горы в речку Вёрду потекли огненные языки. Достигая воды, пламя с шипением гасло, и от сего поднимались над селищем высокие столбы пара. До самого утра продолжалось такое излияние и лишь с восходом солнца прекратилось. Но ещё страннее, чем сама гроза, показалось тогда смердам селища, что от того огня не погорели деревья, которые в большом избытке росли на горе. А ещё через неделю после того ночного грохотания, стал окрестный люд примечать, что на самой вершине горы появляется световой столб. Упрётся в небо этакой бескронной сосновой стволиной, помигает с час-другой, да и погаснет. На что подумать смерды не знали, а потому послали гонца в Пронск – к князю и архиепископу. К тому времени, когда духовный пастырь прибыл в селище, свет уже больше не являлся, а потому обругав паству за ненужное беспокойство, священнослужитель удалился обратно восвояси.

Хоть и продолжительно про меж собой болтали про тот случай, но всё же заботы каждодневные приневолили про него позабыть. И совсем бы про него уж не вспоминали, но внезапно выяснилось, что на самой вершине, среди соснового бора появилась келья с часовенкой, а при них чернец. Самые смелые, кому того монашка довелось повидать, говорили, что сей чернец мало сходства имеет с человеком духовного звания. По своей стати, одежде и поведению необычный чернец больше сходствует с расстригой. Ещё, может с месяц, а может чуть поболее судачили про неведомого человека. Но так как расстрига к люду не спускался, то и у смердов до него дела не имелось. Совсем бы всё успокоилось, но тут вышел случай.

У мирового старшины Луки младший сын его Ондрюшка, помогавший на сене, прыгнул со стога и угодил на вилы. Деревянная рогатина пробила отроку бок и вышла из живота. Пока бабы вокруг да около голосили, парнишка отдал Богу душу. Прибежал староста, а сын его уж и не дышит. Убивался Лука страшно, ведь был у него сей малец единственным парнем, а все же остальные – девки. Вот тут и пришёл к нему в дом неожиданно-негаданно тот расстрига, да повелел всем выходить вон. Люд, было, на него заворчал, чего, дескать, в чужой монастырь да со своим уставом. Но чернец положил на плечо Луке руку свою, да так глянул, что тот первым к двери попятился и за собой всех вывел. Прошёл, наверное, час или даже поболее, лишь после того дверь в избе распахнулась, вышел оттуда тот расстрига, прошёл через селище, да и удалился на гору. Пока он шествовал мимо люда, ни одна живая душа не то, что пошевелиться, дыхнуть боялась. Источалась от того расстриги, какая-то неведомая сила, а впереди него как будто жаркая стена шла; так всех и обдавало.

Когда же тот скрылся в речных камышах, все в избу и бросились, а впереди всех Лука. Подошёл староста к столу, оглядел сына с головы до ног и уразумел, что спит тот безмятежным сном. Тут, само собой разумеется, такое началось! Кто плакал и крестился. Кто поминал Бога, Сына Его и Духа Святого. Кто-то просто так надрывался: кричал, как оглашенный, вообще не понять, что и зачем. И больше всех сам староста Лука. А Ондрюшка, лишь с боку на бок перевернулся и дальше продолжал спать. Так, не смотря на весь шум-гам, до следующего утра и не пробудился, а потом уже ничего и не помнил, будто и не случалось с ним страшной беды.

Староста на радостях собрал богатые дары, и пошёл с сыном на гору – благодарить. Поднимается, а самого страх разбирает, кого же одаривать будет: то ли святого человека, то ли слугу дьявольского. Пришли они с отроком на самую вершину, а вокруг ни души. Заглянули в келью, и там пусто. Набрался староста храбрости пошёл в часовню. Нет, все вроде, как и в их моленной избе, лишь одно было чудно. Иконы будто и не совсем иконы. Все святые лики на них, как бы изнутри каким-то живым светом святятся и за пришлыми отцом с сыном, как бы взглядом приглядывают: куда они идут, туда и глаза смотрят. Перекрестились отец с сыном на все стороны, сложили дары, и, не дождавись хозяина, быстро удалились. Дома про всё честно порассказали, и тем нагнали на людей страху. Многие в тот момент зареклись на гору ходить. Многие, но не все.

Через какое-то время, с утра пораньше отправилась на гору к чернецу молодая девка, какая с детства ногу волочила. Хоть и была она с лица писаной красавицей, но всё ж, однако никто её замуж не брал. Кому же в хозяйстве нужна лишняя обуза?! Оставшись сиротой, вот уж третий год после своего двадцатилетия, жила та девка одна. Как сирота ползла вверх по склону, волоча за собой недвижимую ногу, то многие углядели. Кому-то сие показалось страшным, кому-то любопытны, а потому стали ждать возврата девки с большим нетерпением. Даже по сему случаю всю работу позабросили. Так, ковыряются у себя по огородам, а от горы глаз не отводят. Лишь ближе к ночи, когда уже и смеркаться стало, терпеливые – кто по избам не разошёлся, услышали, как кто-то по кустам с холма скатывается, да смеётся заливно. Тут конечно и весь остальной люд из горниц повалил. Потом самые глазастые, крестясь, говорили, что углядели, как та одинокая девка через Вёрду, будто по воздуху перелетела. И опять, все охали-ахали, молились и Бога славили. Были и такие, кто про нечистого поминал, да староста тем отповедь суровую устроил. Сам, дескать, видел на Дмитровской горе иконы со святыми угодниками, и с матерью Божьей.

Потекла от починка к починку, от селища к селищу слава о дивном целителе. Через какое-то время дошла она до ушей пронского воеводы, который давно страдал недужной болезнью. Испытывал тот воевода боли нестерпимые, от которых не находил спасения ни у кого. Прибыл он в Дмитровское селище, переговорил со старостой и по его совету, оставив кметей своих, на гору пошёл один. Пробыл он там, так же до вечера, а когда вернулся, объявил миру о своём выздоровлении. На радостях боярин тут же устроил гуляние, да попустил миру оброк за шедший год. На том же гулянии углядел пронские воевода ту девку, что ногу свою излечила, да и воспылал к ней страстью. Забыв про жену и детей, стал зазывать её с собой в град, обещая блага всякие. Та лишь смеялась, да изрекала, что люб ей тот чернец, что на горе. Говорила, что никого ей в мужья не надобно, и вообще ничего мирского не требуется. От хмельного мёда воевода горячился сильнее сильного, а потому решил увезти девку против её воли. Об том уж и приказ дал своим дружинникам, коих с ним было с десятков. Но и смерды, прослышав про то, предупредили красавицу, та и подалась на гору, в скит. Взбешенный воевода с дружинниками вслед за ней подался, а, догнав, к дереву привязал, да и надругался над ней. Потом того чернеца, который вступился и воеводе выговор делал, тоже к тому же дереву привязали, и оставили зверям на съедение. Сами же спустились в селище, продолжали гулять, да посматривать, чтобы на гору никто не шёл, и помощи не оказывал.

Когда же ночь наступила, то снова загредел гром над самую вершиной, но теперь уже не белый огонь потек с горы, а красный, словно кровь. И стоял над селищем непонятно чей плач – тихий и протяжный, но всем слышный, как будто исходивший с небес. Ужас охватил воеводу с дружинниками, бросились они кто куда, да попали на топь, где все сгнули. Через десять дён пришёл из Пронска другой воевода, и дознание проводить стал. Ему обсказывают, как что было, но он на веру ничего не принял. Хотел было на гору подняться, да не смог. Кольчуга с него сваливается, будто, кто стягивает. Мечи с саблями сами собой с сухим треском разламываются, будто из дерева. Как не пытались кмети, но так и ни одного шага наверх ступить не смогли. Ушёл обратно воевода в Пронск, да князю все пересказал. Тот и повелел: всех поселял, которые сие чудо зрели, живота лишить и не только в одном селище, но и в окружающих починках. Так вознамеривался князь пресечь память людскую, да предать забвению место чудесное. Вернулись дружинники в Дмитровское селище, произвели наказ князя, и вдобавок ко всему, избы с посевами повыжгли. Когда же возвращались, то на обратной дороге, их самих из луков постреляли. Вроде всё сделал князь, чтобы селище с горой дивной позабылось навеки.

Потом на Русь пришли татары, и о селище думать вроде бы и совсем некому стало. Но как-то так вышло, что вновь поднялись избы у Дмитровской горы, а старое название к селищу само собой прилепилось. И ведь не было среди новых поселян тех, кто бы ведал сказа про святого чернеца. И всё ж, когда люди уже обжили места сии, откуда-то вдруг возникла

песня про ту давнюю историю. Какой человек пел её – про то неведомо Кто же слушал, сразу разумел о которой горе, какой реке, каком боярине и князя речь идёт. Потом нашлись смельчаки, которые на вершину ход сделали, и будто бы того же самого чернеца повидали. Собрались поселяне и миром постановили: сказы про то не сказывать, песен про то не запевать, а кто что видел, так пусть лучше забудет. Чем молвою накликасть не себя гнев княжеский да суд Божеский, уж лучше в тишине и без греха. Непонятно с какой стати, но уверовал люд, что в те давние времена убивали на горе Сына Божьего, коей воскрес. А ещё в селище уверены, что татары на Русь пришли по Божьему помыслу за прегрешения людские. И не идут селяне на гору жить потому, как огня небесного опасаются. Нет-нет, да и вспыхивает вершина непонятным огнем, посветит малость, да гаснет. Тех огненных языков, что к воде сползают, не видывали. Но и одного свечения света Божьего достаточно, чтобы с мыслями тёмными к горе близко не подходить.

Вот всё это и рассказал десятник, которого потрясла прозорливость Варфоломея. Воевода слушал Чириков- Вислого и не знал, верить ему или нет.

Глава седьмая

Иван Данилович сидел в своем покое вдвоем с сыном. Княжичу Симеону, старшему сыну великого владимирского и московского князя было двенадцать лет. По разумению Ивана Даниловича самое то время, в какое надобно приобщать будущего наследника к делам государевым. Московскому князю самому было двадцать один, когда вступил он на престол вслед за старшим братом – Юрием, а вот того, Даниил – отец их, с десяти годов в княжьи дела посвящал. Вот потому, довольно часто призывал отец к себе сына и обсуждал с ним подолгу те или иные дела.

Нынче же, призвал к себе Иван Данилович сына, чтобы послушать его и испытать его разум в связи с вроде бы перепутанным рязанским узлом, какой на самом деле особой трудности не представлял.

Отослав всех ближних бояр, Иван Данилович закрыл плотно дверь и передал сыну свиток. Прочитав первые строки, княжич Симеон уразумел, что данная грамота от рязанского князя Ивана Ивановича Коротопола. Читая дальше, брал в толк, что настоящее послание мог привезти в Москву не простой гонец, но важный посланец и, скорее всего – большой боярин! В грамоте называл Иван Коротопол великого владимирского и московского князя Ивана Даниловича своим старшим братом, обязался чтить его. Это значимая частность. В остальном же, в грамоте рязанского князя не содержалось ничего сверх того особенного. Говорилось о желании побывать на Москве, подписать ряд о дружбе и согласии. Выходило, что к посланию самое главное передаётся изустно, ради коего прислан знатный чин. Перечитывая послание во второй раз – великий князь такого не возбранял, а наоборот не раз говаривал о вдумчивости, мальчик старательно морщил лоб и старался угадать, о чём спросит его отец. По всему выходило, что самое главное было передано изустно, про то и следовало вести речь. Княжич поднял глаза.

– Ну и что же ты удумал про сию весть, Сёмушка? – ласково спросил Иван Данилович.

– Батюшка, мнится мне, что к сей грамоте, было изустное добавление, про кое тебя посланник сказывал.

Князь Иван, довольный сообразительностью сына, удовлетворённо рассмеялся.

– Пребывало, достоверно полагаешь. Было изустное добавление. На словах же наказывал сказывать Иван Коротопол о пронском князе Александре Михайловиче...

– Но ведь Александр же, то князь Тверской.

– Справедливо, Сёмушка. Но в Пронске тож имеется князь Александр, и уж таковое совпадение выдалось, что Михайлович. Так вот, жалится Коротопол на пронского Александра, каковой не желает признавать того за великого рязанского князя. Собирается Иван проучать Пронск и на то моего, непорочно великого владимирского и московского князя, дозволения испрашивает. Ещё же шлёт Коротопол весть, будто встречает на своих землях князь Александр беглых бояр ростовских и те, де, возводят кремники, дабы при подходящем случае воевать с Москвой. Один таковой кремник уж возвели почитай окончательно, ныне же ладятся за другой приниматься. А потому и зовёт моего воеводу с дружиною, с тем, как Александра бити, кремники его либо рушить, либо под руку Москвы забирать. Ради случая такового готов рязанский князь на кремники те уступок сделать. Взамен же просит град, что на Оке – Коломну. И земель грозит дать не меньше, а много более чем к Коломне с рязанской стороны примыкает. Вот и мыслю я как мне поступать в случае данном. Про тож и тебя предполагаю испытать. Что на то помыслишь, Сёмушка?

Мальчик передал грамоту отцу. Так как подобные разговоры для него были не в новинку, то первое правило, которому уже выучил отец сына, Симеон затвердил крепко. Оно значило: не прельстись на посулы, зри, что за ними пребывает. Вот потому княжич и начал именно с этого.

– А каковыя те земли, кои сулит нам рязанский князь? – поинтересовался Симеон.

– Земли там хорошие для пашни, и смердов туда сажать дело здравомыслящее. Одно скверно, дальше степь и начало Дикого поля. Вслед за тем же, сакма там имеется, коей татары на Русь ходят, а до того половцы налетали. Что кремники там вознамерился ставить князь Александр, то немаловажно...

Выговорив это, Иван Данилович умолкнул. Хотелось ему, чтобы на путь верного решения сын сам выбрался.

– Сколь же там надобно ставить кремников, дабы возмочь отбиваться от нашествия татар, коли случаю таковому приведётся выйти?

Иван Данилович быстро остановил сына.

– Сёмушка, про то, что высказывал, ты помышлять помышляй, но вслух никогда и ни при ком не выговаривай. Уразумел ли?

– Я про то, батюшка, давно разумею. Ты ведь мне об сём, не один раз говаривал, но ведь нынче мы с тобой лишь вдвоём.

– У оконца птица притулиться может, под полом мышка просновать, а у стен уши вырасти. Всегда про то помни. Донесут хану Узбеку, опосля не обелишься. Уразумел?

Симеон кивнул головой.

– Да, батюшка, – сказал он.

– Что же касаемо кремников, то потребно их там, дабы надёжно оборонять наше княжество, не один, а с десяток. Сил у Москвы покудова таковых нет, дабы на Дико поле ход делать. Из этого исхожу и мыслю, что нам по вдоль Оки крепиться следует. Быстрее сие и надежнее. Уразумел ли?

Мальчик снова кивнул головой, и добавил:

– Вот и я про то думку имел, но сразу сказывать не решился. Коли от тех земель, кои нам Иван Иванович вручает, выгода не идёт, то и не надобно до преж на их вставать. И ещё, намеревался спросить у тебя. Недруг ли нам пронский князь?

– Покудова собаки меж собой цапаются, они никому не страшны. Знатной силы за Пронском не имеется, но и своих кметей изводить за рязанского князя не след.

Сын внимательно посмотрел на отца.

– Батюшка, разрешено ли мне вымолвить таковые слова, кои могут вызвать за них обиды на меня? Ты же ведаешь, что тебя я боготворю, а потому, сдаётся мне, что ты не осерчаешь на меня. Просто мне постигнуть надобно.

Иван Данилович удивился.

– Безусловно, Сёмушка, говори, что терзает тебя. Я ведь никогда допреж тебя не укорял за вольномыслие.

– Мы ведь, всяческие князья православной Руси, тож для татарского хана, что те собаки, кои меж собой грызутся. Он и рад княжеской вражде, каковой и ты нынче возрадовался, узнав про двух соперников. Вот и разумею я, что потому нет на Руси внушительной силы, что вражда идёт всякого со всяким. Надо бы замиряться воедино цело.

Князь Иван обнял мальчика за шею и притянул к себе. Поцеловал в голову, и очень тихо проговорил:

– Я ведь, Сёмушка, в отрочестве об сем, ни один раз, думы думал. Видалось мне, как явится миру, подобный, словно дед мой – князь Александр Невский. Соберёт вокруг себя князей, как равный с равными, да и учинят они побоище поганым татарам. Освободят Русь Святую на веки вечные от выхода ненавистного и позора жгучего. Когда взрослеет, тоже не один раз вокруг себя приглядывался. На которого же князя возможно было бы положиться, как на надёжу. А и выходило, что нет такового. Один корыстолюбец, другой охоч до власти единодержавной и при том лишь о выгоде своей хлопочет. Третий же, на охотах красоваться горазд. А потому и примкнул к убеждению, что не на кого в таковом деле доверием опереться. Как случается, какая беда, так один другого оболгать склонен, лишь свою голову спасти. Понадеешься

на такого, и сам пропадешь, и земли русской не спасёшь. Вот потому-то и пришёл к заключению, что ежели имеется могучее желание Святую Русь из неволи выводить, то свершать сие надобно самому, и ни на кого не полагаться. Ты сам себе и воевода добрый, и кметь преданный. Скапливать же кругом себя следует людей верных, послуживших дедам нашим, и отцам нашим. Токмо так будешь ты спокоен, но и того не забывай, что с оглядкой поворотиться иной раз не грех. Осознал ли?

Сын прижался к отцу.

– Да, батюшка, – ответил он. – А каков ответ след отписать Коротополу? Отказ сделать али как?

Иван Данилович потрепал сына по голове.

– А сам не додумаешься? – спросил он. – Как сам начал бы ответствовать?

– Я бы отказ отписал, – ответил Симеон.

– И сие бы оказалось не верным. Надобно не в лоб, и не прямо. Иван Коротопол лукавит, не намеревается он по правде жительствовать под рукой московского князя. Вожделеет нас ослабить, да и самому перехватить великое княжение, а с ним и Коломну. А потому и нам не надлежит попросту поступать. Посули на словах, коих отправь с посланцем, что покамест размышлять станешь. Возможно, при случае удобном, прибудешь взглянуть сам на те крепости, а уж опосля заключение окончательное составишь. Грамоту же, и вовсе не посылай. А ещё отправь другого верного боярина в Пронск. Пускай грамоту свезет, в каковой будет сказано, что имеется у тебя желание поглядеть на крепости, кои на Дико поле устремлены. На словах же пускай перескажет твой боярин, что Коротопол затевает, да при этом намекнёт, что, де, великий владимирский и московский князь, не прочь называть Александра Михайловича великим пронским князем. Вот тогда-то, попомни мои слова, меж ними грызня примется пуще прежней.

Мальчик поднял на отца глаза.

– Батюшка, а во всех наших делах, много ли по писанию Божьему, по его заповедям? – спросил он.

Иван Данилович погладил сына по голове.

– Про то ты добро спросил, – ответил он. – Бога неизменно чти. Бог наша единая надёжа и опора. Сам об том тоже многажды думы имел. К людям святым обращался, и был как-то раз мне таковой ответ даден. Может статься, и не следовало бы мне тебе его пересказывать, да уж разговор у нас нынче нешуточный. Имеется у меня ещё и надежа, что лета твои ныне подходящие, дабы и горние правды познавать. А сказывал мне святой человеке, что есть у Бога два Закона. Один для великого владимирского и московского князя, а другой для прочих бояр, кметей, мастеровых, смердов и холопов. И выводится сей Закон из суждения притчи о кесаре. Когда спросили Иисуса Христа, надобно ли платить дани, то он ответствовал, что кесарю кесарево, а Богу богово. Устроен Божий мир таковым образом, что есть в нём и кесари, и холопы. Каждый из них перед Богом по-своему ответственен. А потому, что применительно к слуге князеву, то не всегда сообразовывается с его господином. Как возможно уберечь земли московские, люд, на ней живущий от погибели татарской, коли не приносить до времени Божьей клятвы хану Узбеку, присягая на верность?!

А ведь сказано Иисусом Христом: и не клянитесь вовсе! Вот и спрашивается: что же страшнее для души и для Бога: когда не сберегу я тысячи и тысячи жизней, доверенных мне, или когда произнесу ложную клятву?! А потому и выходит, что для кесаря али князя, как хочешь, так и величай, существует другой закон и другая правда. По одной правде он, великий князь, живёт внутри дома своего, среди детей божьих, рабов Господа. По другой, когда выходит во внешний мир, где обитает прочий люд, Господа Бога нашего не воспринявший. Та правда, что внутри дома своего, она в Заповедях и её исполнять должно всем. Разве можно мне в укор поставить, что не почитаю я Бога моего? Али то, что не почитал отца своего и матери своей?

Здесь в доме своём не потребляю имени Божьего понапрасну, не приношу Именем Его клятв. Не прелюбодействую и чту мать детей моих, как того Господом требуется. Не причиняю я зла вдовам и сирым, не допускаю несправедливости к бедному люду. Каждого чужанина принимаю на землю нашу, и зла ему не творю, как и об том и заповедовал Господь.

А уж когда из дома вышел и очутился в другом мире, то не грех, тоже видать из писания, и иные слова Господа припомнить. Хоть и сказаны они были для случая другого, но всё ж произнесены. И они гласят: «Отдай жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб». То есть, коли у тебя ли, твоего родственника ли, али народа твоего забрали одну жизнь, око, зуб, то и ты можешь забирать жизнь, око, зуб. Забрали ещё чего-то поболее, то и ты можешь столь же забрать. Не давай бить себя, ибо, когда ты побитым пребываешь, то побитым пребывает и народ, предоставленный тебе Господом Богом. А ещё мыслю я так, коли не пребывало бы для кесаря другой правды, то и не дал бы Господь и других заповедей для рабов своих. Сказано: не судите других, да не судимы будете. И уж совсем близко про нас заповедал Господь рабам Своим: не хули ни Бога, ни предводителя своего народа. А нам с тобой Богом и дано быть предводителями. Ну а уж ежели, что не так и понято мною, то будет мне за то от Бога наказание. Это и есть, Сёмушка, суровое бремя и тяжкий крест княжеской власти.

Глава восьмая

Полюбилось новое городище, которое прозывалось уже и в дальних и близких землях Ломихвостом, пронскому князю Александру Михайловичу. Сам туда частенько наведывался и разных людей с собой привозил. Для гостевых надобностей были для него поставлены в самом кремнике хоромы. Хоть и выглядели они не очень великими, но сложенные из красного узорчатого кирпича, крытые такого же цвета, похожими на изразцы плашками, смотрелись очень даже необыкновенно. Резное же крыльцо с витыми перилами, на котором красовались разные глиняные потешные чудища, и вообще заставляло останавливаться надолго. Дивился чудному строению князь пронский, и гости, которые с ним приезжали, восхищение высказывали.

Быстро, очень даже быстро обрастала новая крепость посадом. Первыми под её боком притулись лавки купцов со всевозможными товарами. Богател люд на землях боярина Кирилла Афанасьевича стремительно, а потому могли себе смерды и женки их прикупать не только вещи по будничной житейской надобности, но и много чего для торжественных случаев.

Кузнецы встали отдельным рядом. Имелось их пока только пятеро мастеровых с подмастерьями, а потому работой завалены они были полностью. С утра и до поздней ночи доносился из кузниц весёлый, согревающий душу воеводы, перестук.

Пришли к городищу и гончары. Правда, таких мастеров, как Демьян, среди них не обнаружилось, но и у них кринки, махотки, плошки, миски, кружки sporo расходились.

Демьян же с боярином Кириллом Афанасьевичем по большей части времени находились в Красном городке, где уже возводили вторую огромную печь, которую до сей поры никто и не видывал. Можно было во внутрь той громадной домины въезжать прямо на лошади, и устанавливать на железных подставах целый воз хоть посуды глиняной, хоть кирпича лепленного до четырех раз по полтысячи штук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.